

МНО «НАУКА БЕЗ ГРАНИЦ»

Ежемесячный научный журнал

№ 5 / 2014

Главный редактор — д.фил.н. Андреева И.В.

Ответственный секретарь — к.фил.н. Заворюхин К.П.

	Азарова Э.Н. – д.ф.н.
	Бербик З.В. – д. филос.н., член РАН
	Михайлова Т.Н. – д. ф. н.
	Незамичев К.К. – д.п.н.
	Остюшкин Д.П. - д.ф.н.
	Петрусинская Н.Я. – д.п.н.
	Поганяйло С.О. – д.филос.н.
	Самроский Д.Ю. – д.и.н.,
	Чижиков П.П. – д.п.н.
	Фамильцев Р.Ф. – д.соц.н., научный сотрудник РАН
	Шелудько О.З. – к.ф.н.
	Шевцова О.В. – д.полит.н.
	Яремчев Ю.Е. – д.филос.н.

Ответственный редактор

д.фил.н. Андреева И.В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Международные индексы:

Главный редактор — д.фил.н. Андреева И.В.

Ответственный секретарь — к.фил.н. Заворюхин К.П

	Азарова Э.Н. – д.ф.н.
	Бербик З.В. – д. филос.н., член РАН
	Михайлова Т.Н. – д. ф. н.
	Незамичев К.К. – д.п.н.
	Остюшкин Д.П. - д.ф.н.
	Петрусинская Н.Я. – д.п.н.
	Поганяйло С.О. – д.филос.н.
	Самроский Д.Ю. – д.и.н.,
	Чижиков П.П. – д.п.н.
	Фамильцев Р.Ф. – д.соц.н., научный сотрудник РАН
	Шелудько О.З. – к.ф.н.
	Шевцова О.В. – д.полит.н.
	Яремчев Ю.Е. – д.филос.н.

Художник: Азарова Катерина Тихоновна

Верстка: Ручников Сергей Антонович

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Адрес редакции: 620142, г. Екатеринбург, Щорса ул., д. 56

Адрес электронной почты: info@mnoborders.ru

Адрес веб-сайта: <http://mnoborders.ru/>

Учредитель и издатель МНО «Наука без границ»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620142, г. Екатеринбург, Щорса ул., д. 56

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Бондарева Д.А., Будник Е.А.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД: СТАТУС
И ОСОБЕННОСТИ 4

Федорова Р.В.

АНТИРЕЗУЛЬТАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО
И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ) 8

Колоколова Л.П.

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА КАК ОБЪЕКТ
КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ 10

Поникаровская В.В.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА 14

Прокопец М.И.

АЛЛЮЗИЯ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АН-
ГЛОЯЗЫЧНОГО РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА) 18

Рабенко Т.Г.

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПИСЬ-
МЕННУЮ РЕЧЬ УЧАЩИХСЯ 21

Ширяева О.В.

О НЕКОТОРЫХ БАЗОВЫХ КОНЦЕПТАХ
ДЕЛОВОЙ КАРТИНЫ МИРА 25

Ширяева О.В.

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДИС-
КУРС В РАМКАХ ДИСКУРСА ДЕЛОВОЙ
ПРЕССЫ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И МЕЖДИСЦИ-
ПЛИНАРНЫЙ ПОДХОДЫ 29

Тамбовцева Н.К.

РОЛЬ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ В ОБУЧЕНИИ УСТ-
НОМУ ПЕРЕВОДУ СТУДЕНТОВ
СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПЕРЕВОД
И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ» 32

Цариненко Т.А., Данцева А.В.,

Ростова М.Л.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ФОРМА
ОТРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ОПЫТА 34

Верхотурова Т.Л., Холдеева Е.Ю.

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПЕРЦЕПТИВНЫХ
СОБЫТИЙ: НАБЛЮДАТЕЛЬ
И НАБЛЮДАЕМОЕ 37

Жумаева О.А.

ДИСКУРСИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО
И РУССКОГО ЯЗЫКОВ) 40

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Коровина А.Ю.

ВИДЫ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ,
ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «АНГЛИЙ-
СКИЙ СНОБ» 46

Сигова К.В.

ОРГАНИЗАЦИЯ ХРОНОТОПА В РОМАНАХ
ДИНЫ РУБИНОЙ 49

Сорока С.А.

СТАТИЧНОСТЬ КАК СВОЙСТВО ХРОНОТОПА
В ПЬЕСЕ НИНЫ САДУР «ЕХАЙ» 53

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Бондарева Д.А.¹, Будник Е.А.²

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД: СТАТУС И ОСОБЕННОСТИ

¹студентка, специальность «Лингвистика», МЭСИ, г. Москва;

²кандидат педагогических наук, доцент, МЭСИ, г. Москва

LEGAL TRANSLATION: STATUS AND FEATURES

Bondareva Darya, Student, specialty "Linguistics", Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics

Budnik Ekaterina, Ph. D in Pedagogics, Associate Professor, Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics

АННОТАЦИЯ

В данной статье в рамках английского и русского языков будут рассмотрены характерные особенности юридических текстов, влияющие на специфику перевода юридических документов; а также рассмотрен правовой статус переводчика.

ABSTRACT

In this article in the framework of the English and Russian languages we will consider the main characteristic features of legal texts which have influence on specificity of legal documents translation; also we will consider the legal status of the translator.

Ключевые слова: статус переводчика; переводческая профессиональная компетенция; специфика юридического перевода.

Keywords: status of the translator; translation professional competence; specificity of legal translation.

В современном мире процесс глобализации диктует приоритетное отношение к личности, социальным группам и организациям относительно государства, т.е. к превращению мира в глобальное общество, характеризующееся плюрализмом субъектов и структур. С другой стороны, глобализация общества приводит к появлению множества глобальных проблем, с которыми отдельно взятая страна не способна справиться, поскольку это возможно только при взаимодействии с другими государствами, негосударственными и надгосударственными организациями. В силу этой причины глобальное общество нуждается в глобальном праве как средстве его организации и управления им, создания, поддержания и защиты глобального правопорядка. И здесь очень важную роль играют языковые посредники – переводчики, особенно в сфере юриспруденции, обладающие определенными компетенциями.

Интенсивный обмен научно-технической информацией, широкое развитие экономического партнерства и культурного сотрудничества требуют правовой регламентации, квалифицированной помощи со стороны юристов и их участия в переговорах, в составлении и переводе документации. Это неизбежно ведет к расширению контактов с зарубежными специалистами в области юриспруденции. В связи с этим особую важность для межкультурной профессиональной коммуникации имеет корректно выполненный перевод юридического текста. Рассматривая ситуацию кросс-культурного профессионального взаимодействия, стоит особо выделить большую моральную и правовую ответственность переводчика за качество и правильность перевода.

В каждом государстве профессиональная деятельность переводчика регулируется соответствующими

ющими законодательными нормами. Для обеспечения правового статуса профессиональной переводческой деятельности специалист переводчик должен знать действующую Конституцию государства, административное, трудовое, гражданское, уголовное и процессуальное законодательство, а также ряд международных соглашений, принятых в рамках Международной федерации переводчиков (Federation Internationale des Traducteurs). На данный момент Институту переводчиков уделяется особое внимание в международно-правовых актах и законодательстве Российской Федерации. Так, например, профессиональная деятельность переводчика и его правовой статус регулируются ст. 59, 307 и 309 Уголовно-процессуального кодекса РФ, ст. 126 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 57 Арбитражного процессуального кодекса РФ, ст. 2510 Кодекса РФ об административных правонарушениях, а также рядом соответствующих статей Налогового кодекса и таможенного кодекса Российской Федерации. Однако, несмотря на значимую роль переводчика, выполняющего функцию процессуального гаранта обеспечения конституционного принципа о национальном языке юриспруденции и создающего благоприятные условия, необходимые для качественного проведения межкультурной профессиональной коммуникации, на данный момент отсутствует специальный федеральный закон об институте переводчика. Легальное определение понятия института переводчика, его права и обязанности содержатся в соответствующих статьях указанных выше законов РФ.

«Статья 59. Переводчик.

1. Переводчик – лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода.

5. За заведомо неправильный перевод и разглашение данных в ходе предварительного следствия переводчик несет ответственность в соответствии со статьями 307 и 310 Уголовного кодекса Российской Федерации» [УПК РФ 18.12.2001 N 174-ФЗ].

Из приведенной выше выдержки статьи 59 УПК РФ следует, что юрист – переводчик должен обладать рядом профессиональных компетенций, необходимых для осуществления качественного перевода. Особо выделяются: 1) возрастной ценз – совершеннолетие; 2) дееспособность; 3) наличие высшего юридического образования и знание иностранного языка или высшего филологического образования и дополнительного сертификата о специализации в области юридического перевода, либо два года стажа переводческой работы по юридическому или судебному переводу [Гамзатов, 2004: 57-59]. Помимо соответствия перечисленным профессиональным компетенциям переводчик должен четко следовать профессиональной этике, основные принципы которой были разработаны В.В. Алимовым и в дальнейшем развиты И.С. Алексеевой. Все положения данной системы должны соблюдаться переводчиком в процессе реализации профессиональной деятельности. Однако, в рамках специфики данной статьи, обратим особое внимание на одно из них. Согласно данному положению, переводчику запрещено разглашать конфиденциальную информацию, полученную им по долгу службы, без письменного согласия или специального распоряжения вышестоящих лиц [Алимов, 2003: 42].

Юридический перевод, рассматривающийся как область практической языковой деятельности переводчика, под своим объектом подразумевает передачу содержания письменных и устных юридических текстов на ИЯ (*исходный язык*) средствами ПЯ (*язык перевода*) с сохранением равноценного регулятивного воздействия.

Профессиональная компетентность в сфере юридического перевода основывается на изучении иностранных правовых систем, надгосударственного и глобального права, техники и специфики юридического перевода, языковых особенностей юридических текстов. Все разновидности юридических текстов подразделяются на следующие группы: 1) *законодательные (нормативные) тексты*; 2) *тексты судопроизводства*; 3) *научно-правовые тексты*; 4) *тексты юридических документов*. Юридический текст имеет присущие только ему особенности, которые необходимо учитывать

при составлении, рассмотрении и переводе юридических документов. Так, например, юридические документы имеют стандартизованную, клишированную форму. В них высока частотность употребления стереотипных фраз и выражений, клише, устойчивых словосочетаний, архаичной лексики. Специфическими чертами юридических текстов также являются передача числительных словами, отказ от использования средств вторичной номинации (личные и указательные местоимения), вместо которых применяется тавтологическая когезия.

По виду информации законодательные тексты и тексты судопроизводства относятся к оперативным (апеллятивным) текстам, а научно - правовые и тексты правового воспитания – к когнитивным. Из этого следует, что коммуникативное задание юридического текста - сообщить реципиенту объективно достоверную информацию и предписать определенные действия. Реализация коммуникативного задания достигается через грамматические средства, которые в своей совокупности выражают значения долженствования и значения констатации факта. Предписывающий характер информации передается с помощью глагольных структур со значением модальности необходимости и модальности возможности. Апеллятивность выражается в преобладании абсолютного настоящего времени, пассивных конструкций, выражающих объективность информации, существительных и местоимений с обобщенной семантикой.

На синтаксическом уровне отличительными чертами являются разнообразие средств, оформляющих логические связи (со значением *условия* или *причины*), полнота структур, обилие однородных членов предложения и однородных придаточных.

Особенности оформления когнитивной информации проявляются на всех языковых уровнях, при этом используются языковые средства, повышающие уровень плотности когнитивной информации – общеязыковые сокращения – и т.д./ etc.(et cetera), т.е. /i.e.(id est)/d.h(das heisst), для данного случая - ad hoc, нашего времени - A.D. (Anno Domini); специальные терминологические сокращения: ID (*identification card*) – удостоверение личности, I.L.C. (*International Law Commission*) – Комиссия по международному праву ООН.

Специфической чертой любой профессиональной коммуникации является использование общей и специальной терминологии. Термины – это специальные слова, как правило, однозначные, лишенные эмоциональности и независимые от контекста. Юридическая терминология отражает процесс исторического развития права, в котором большую роль сыграло Римское право. В связи с этим в формировании терминологии стилистики правового текста первостепенное значение имеет латынь. Именно поэтому некоторые современные юридические термины обладают архаичной окраской, их использование в тексте создает колорит высокого стиля.

Стоит учитывать, что в связи с расхождением культурных и правовых систем различных государств, большая часть юридических терминов относится к БЭЛ, образуя интеркультурные лакуны. Таким образом, для понимания данной лексики необходимы фоновые знания, так как культурно маркированная лексика служит важным источником социокультурной информации о стране, что прямым образом отражается и на системе права. Например, в России нет аналога английского общего права, так как Россия имеет кодифицированную систему права. В Англии система общего права (прецедентного) сформировалась под влиянием ряда специфических факторов. В стране был введен институт королевских выездных судей, которые осуществляли общее правосудие по все стране. Отсюда и возник термин *common law*, который требует дополнительных разъяснений для русскоязычного реципиента [Левитан,2014:29].

Таким образом, специфика правовой действительности государств активно влияет на терминосистему: *murder* - тяжкое умышленное убийство, *manslaughter*- простое неумышленное убийство. Перевод юридического текста также осложнен наличием идиоматических выражений и фразеологических сочетаний, за которыми закреплен статус редко употребляемых в общелитературном языке / с ограниченной областью функционирования: *twelve honest men* – присяжные заседатели; *the bar and the bench* – адвокаты и судьи; *rogues` gallery* - полицейский архив фотоснимков преступников. Незнание специфики лексики юридического текста

может не только снизить качество перевода, но и стать причиной переводческих перлов: *strong arm man*- убийца (**сильный мужчина с ружьем**); *front man* – подставное лицо (**государственный общественный деятель**); *to go to the bar* - стать адвокатом (**идти к адвокату**), *Philadelphia lawyer* – блестящий юрист (**юрист из Филадельфии**); *bad actor* – закоренелый преступник (**плохой актер**); *Finisher of the Law* – палач (**окончание закона**); *recognized merchant* – коммерсант, имеющий патент (**признанный торговец**); *star witness*- главный свидетель (**звездный свидетель**).

Для достижения качественного перевода юридических текстов необходимо придерживаться определенных алгоритмов перевода, то есть следовать технике перевода. В современном переводоведении под техникой юридического перевода подразумевают совокупность определенных методов, правил, средств и приемов реализации успешной межкультурной коммуникации в области юриспруденции, базирующихся на знании юридической терминологии и стилистики юридических текстов различных разновидностей на ИЯ и ПЯ при обязательном владении понятиями права и свободной ориентации в концептуальных юридических картинах мира коммуникантов [Левитан, 2014: 46]. При выполнении юридического перевода, также как и при переводе иных текстов, переводчик нередко прибегает к использованию определенных/допустимых переводческих трансформаций, в тематике которых центральное место занимает вопрос о мере их допустимости и необходимости (см. Алимов В.В., Некрасова Т.П.). Однако стоит иметь в виду специфические особенности структуры и семантики юридического текста. Так, например, проблема переводимости, являющаяся предпосылкой переводческой эквивалентности, теряет свою актуальность для юридического перевода, но играет важную роль при переводе художественных текстов, которые представляют особую сложность для перевода по причине ярко выраженной индивидуальности автора. Практика юридического перевода подтверждает не только относительность, но и прогрессивность переводимости; так как любая переводческая деятельность направлена на повышение переводимости ИЯ и ПЯ [Алексеева, 2006:48].

В силу специфики юридического перевода, обусловленной типологией и содержанием юридических текстов, особенностями коммуникации в области права, переводчик должен обладать рядом дополнительных компетенций, удовлетворяющих требованиям узко - профессиональной коммуникации. Таким образом, профессиональный перевод в сфере юриспруденции требует от переводчика не только глубоких знаний теории и практики перевода, но и знания правовых систем иностранных государств, а также свободного владения терминосистемами и техникой перевода юридического текста.

Список литературы:

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2014) (18 декабря 2001 г.)
2. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2014) (14 ноября 2002 г.)
3. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 28.06.2014) (24 июля 2002 г.)
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ
5. Алимов В.В. Юридический перевод: практический курс. Английский язык. М.: ЛКИ/URSS, 2003, - С. 42
6. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. М.: Академия, 2006. - С. 48, 67
7. Гамзатов М.Г. Техника и специфика юридического перевода. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. - С. 57 – 59
8. Левитан К.М. Юридический перевод. Основы теории и практики. М.: Проспект, 2014. – С. 29
9. Федотова И.Г., Толстопятенко Г.П. / Юридические понятия и категории в английском языке: Толковый словарь.

Федорова Р.В.

АНТИРЕЗУЛЬТАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

*заместитель директора, Негосударственное Учреждение Дополнительного
Образования «ПОЛИГЛОТ», г. Нижневартовск*

Известно, что обстоятельства, обуславливающие связь субъекта и процесса, могут иметь различную природу. Но все их многообразие сводимо к двум видам: данные обстоятельства могут относиться к сфере внутренних характеристик субъекта (способностей, качеств, умений) или к сфере внешнего мира, внешним обстоятельствам и законам бытия.

Обратимся к понятию «детерминирующий фактор», природа которого определяется внутренними характеристиками субъекта, задает ситуацию внутренней возможности. Другими словами – это «пусковой механизм» ситуации возможности (имеются ввиду обстоятельства и условия, вызывающие становление и реализацию потенциальной ситуации). Так, характеристики детерминирующего фактора задают особенности конкретной модальной ситуации, а именно программируют актуализацию частного значения возможности, определяют, насколько «скоро» и «безпрепятственно» ситуация может трансформироваться из «возможного» в «действительное» [7, с.9].

Спектр частных значений внутренней возможности включает следующие разновидности: «(не)иметь способность», «(не)уметь», «(не)быть в состоянии», «(не)иметь смелость», «(не)иметь желание», «(не)иметь возможность, в связи с наличием объективных обстоятельств», «(не)иметь право» (выполнить действие) [3, с.18]. Внешняя возможность зависит от характера внешних условий превращения возможного в действительное, связанных с действиями природных, социальных сил или отдельных субъектов, с постоянно существующими или временно возникшими обстоятельствами [7, с.9]. В настоящей статье нас больше интересуют частные значения внутренней возможности, поэтому рассмотрим их подробнее.

Ситуация «противостояния» внутреннего детерминирующего фактора (выбор, способность субъекта) и внешнего детерминирующего фактора (препятствия, помехи на пути осуществления действия) очень часто находит эксплицитное выражение в конструкциях со значением нереализованной возможности, соответствующих схеме: *стараться сделать, но не смочь*. В данных предложениях чаще всего функционируют лексические пары: *пытаться (стараться) и не смочь* (не удалось, не получилось, не заладилось, не вышло); *пытался, но безуспешно* (безрезультативно, напрасно, бесполезно, тщетно...) и т. д. [7, с.13].

Следует обратить внимание на тот факт, что частные значения возможности обычно представлены в плане выражения предложений лексическими элементами (модальными глаголами), предполагающими обязательную связь с инфинитивом. Приведем примеры из русской художественной литературы:

Татьяна Андреевна хотела забыть о случившемся, но чем сильнее было это желание, тем настойчивее думалось о Перейро (К. Паустовский. Дым Отечества).

Присев у плетня, он хотел закурить, но порыв сухого горячего ветра потушил спичку (М. Шолохов. Батраки).

Я бы хотела уйти, но любопытство внезапно приковало меня месту (Ф.М. Достоевский. Неточка Незванова).

Вскакивая после таких снов на своей постели в сенцах, чуть не умерла она от сердцебиения, от страха темноты и мысли, что не кому кинуться ей (И.А. Бунин. Деревня).

Я чуть не сгорел и притом испугался (Ф.М. Достоевский. Белые ночи).

Причина, воспрепятствовавшая достижению результата, вводится в придаточном предложении с

помощью: *хотел(а)...*, *но и чуть не...* подчеркивая прерывание нормально развивающейся ситуации на этапе, очень близком к достижению результата. Такие конструкции с проксимативным значением как *хотел(а)...*, *но...*, *чуть не...* и им подобные, называются «антирезультативными» [6, с.43]. Отметим, что данные конструкции были описаны в отношении старофранцузского языка. Тогда с помощью модального глагола *devoir* в сочетании с инфинитивом, наряду с такими аспектуальными оттенками действия как «неизбежность» и долженствование, передавался также оттенок *чуть было не...*, в случае когда предполагаемое событие могло и не реализоваться совсем [8, с.191].

Несмотря на то, что данные конструкции имеют давнюю историю, термин «антирезультатив» был предложен известным исследователем нашего времени В.А. Плузганом сравнительно недавно. О таких конструкциях упоминает А.В. Бондарко, описывая варианты реализации аспектуально-таксисных ситуаций «длительность – наступление факта» в русском языке: «желание, готовность осуществить действие – наступление факта, препятствующего его осуществлению; *хотел (было)...*, *но (как вдруг)...*; *уже готовился...*, *но...*; *уже собирался...*, *как вдруг...* и т.п. данный вариант включает не только аспектуальные и таксисные, но и модальные элементы» [2, с.45]. Следует отметить, что только глагол *хотеть* сочетается с частицами *уже* и *было*, обозначая отказ от почти предпринятого действия [1, с.31].

Приведем пару примеров из русского языка:

Пожалуй, один раз она была готова увлечься, но, может быть, это ей показалось... (К. Паустовский. Дым Отечества).

Мария собиралась сказать что-то еще, но в трюм спустилась, бранясь, Розалия Марковна (К. Паустовский. Дым Отечества).

Ситуация на грани осуществления, но не состоявшаяся (*чуть было не...*, *хотел было*) в английском языке выражается проспективными конструкциями с глаголами движения, употребляемыми в прошедшем времени [4, с.9]. Обратимся к примерам:

Then we thought we were going to have supper, (we had dispensed with tea, so as to save time), but George said no (J.K. Jerome. Three Men in

a Boat (To say nothing of the Dog)).– Тогда мы думали, что собиравались ужинать, (мы обошлись без чая, чтобы сэкономить время), но Джордж сказал нет.

В следующем примере конструкция *came willing ..., but* подчеркивает то, что планы говорящего рухнули, мечты (замыслы) не осуществились: *I came here willing to make any reasonable concession so that you should come back to your home, but now I wish it no longer* (W.S. Maugham. The Creative Impulse). – *Я приехал сюда готовый пойти на любую разумную уступку ради того, чтобы вы возвратились в свой дом, но теперь я больше не желаю этого.*

Из нижеследующего примера видно, что субъект не имел способности к выполнению действия, не был в состоянии осуществить замысел:

His love became a prison from which he longed to escape, but he had not the strength merely to open the door – that was all it needed – and walk out into the open air (W.S. Maugham. Red). – *Его любовь стала тюрьмой, из которой он стремился сбежать, но у него не было силы просто для того, чтобы открыть дверь – все, что и требовалось – и выйти в открытое пространство.*

Помимо вышеупомянутых средств, материалы двуязычных словарей показывают, что в качестве эквивалентов русским наречиям *чуть (было) не* и *почти*, в английском языке выступают в основном наречия *almost* и *nearly*. Например: *I nearly fell*. – *Я чуть (было) не упал* [5, с.232].

Рассмотрим пример зафиксированный во французском языке:

Mais dites-moi donc, madame Blanchet, il y a une chose que je veux vous demander, mais je ne sais pas si vous voudrez me la dire (G.Sand. François Le Champi). – *Но скажите мне, мадам Бланше, есть кое-что, о чём я хочу у вас спросить, но не знаю, захотите ли Вы мне об этом рассказать.*

Пример точно описывает ситуацию, при которой у субъекта действия существует потребность в совершении действия – получении некой информации, но сам субъект не имеет возможности ее реализовать, т.к. собеседник не решается давать информацию. Рассмотрим еще один пример:

Mon père voulut lui faire essayer de couper une banane, mais il n'osa pas (S. Ségur. Les Vacances). – Мой отец захотел заставить его попробовать разрезать банан, но не осмелился.

В данном случае имеет место ситуация невозможности субъекта достижения желаемого результата действия (отражена несостоявшаяся ситуация).

Таким образом, можно говорить о том, что образования, осложненные антитезуальными конструкциями, в которых имеются аспектуальные показатели нереализованного проспективного действия, представляют собой отдельное явление. Подобные конструкции являются весьма распространенными, так как выражают один из вариантов взаимодействия сфер желательности и возможности. Кроме того, обобщив имеющиеся сведения о способах языковой реализации частного значения *возможности* в трех языках, отметим, что оно осуществляется преимущественно лексическими средствами.

Список литературы:

1. Апресян Ю.Д. Хотеть и его синонимы: заметки о словах // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова) / Российская академия наук. Отделение литературы языка. Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН/ Отв. ред. докт. филол. н. М.В. Ляпон. – М.:

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1995. – С.16-33.

2. Бондарко А.В. Категориальные ситуации в функционально-грамматическом описании // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе: Сб.ст. – М.: Знак, 2004. – С.36-52.
3. Гапонова Ю.В. Средства выражения модальных значений возможности и необходимости в текстах печатной рекламы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.В.Гапонова. – Калининград, 2007. – 21 с.
4. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. Автореф. дис. ...канд.филол.наук. – М., 2002. – 25с.
5. Русско-английский и англо-русский словарь. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2002. – 1200 с.
6. Сичинава Д.В. К типологии глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта: casus latinus // Вопросы языкознания. – №5. – 2003. – С.40-51.
7. Федорова И.Р. Модальность возможности в современном русском языке (на материале газет) / И.Р.Федорова. – Калининград: Изд-во Калининградского гос. ун-та, 2000. – 85 с.
8. Moignet G. Grammaire de L'ancien Français. Morphologie. Syntaxe / G. Moignet. – Paris: Ed. Klincksieck, 1983. – 445p.

Колоколова Л.П.

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА КАК ОБЪЕКТ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

кандидат филологических наук, доцент Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак

COGNITIVE SEMANTICS AS AN OBJECT OF COGNITIVE LINGUISTICS

Kolokolova Lidia Petrovna, Candidate of philological Science, assistant professor of Sterlitamak branch Bashkir state University, Sterlitamak

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена когнитивному исследованию лексики. В ней проблемы системности анализируются с новых позиций, описываются информационные структуры значений языковых единиц. Базовой категорией когнитивной семантики является концепт, выступающий в виде ментальных сущностей разного функционального назначения.

ABSTRACT

The article is devoted to the cognitive study of language. It challenges the system are analyzed with new positions, describes the information structure of meanings of linguistic units. The base category of cognitive semantics is the concept of acting as mental entities of different functional purpose.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивная семантика, концепт, макроконцепт, суперконцепт.

Keywords: cognitive linguistics, cognitive semantics, concept, macroconcept, superconcept.

В конце XX – начала XXI вв. в лингвистике произошла радикальная смена научной парадигмы: от логико-грамматического и формально-семантического направлений к когнитивной лингвистике, имеющей свой объект и инструментарий анализа. Важно отметить то, что в рамках когнитивной лингвистики в особый раздел выделилась когнитивная семантика, которая отличается от традиционной постановкой проблем и методами их решения.

Когнитивная семантика рассматривает значения языковых единиц как информационные структуры, реализующие ментальную репрезентацию действительности. Основной задачей когнитивной семантики является концептуальный анализ гетерогенных языковых единиц разного объема и неоднотипной функциональной ориентированности. Интерес ученых к когнитивной семантике на современном этапе развития языкознания обусловлен целым рядом факторов:

1. Изменением теоретических установок: от приоритета универсального, глобального – к доминированию специфического; от констатации структурной детерминированности к пониманию диссипативного характера языка.

2. «Выявлением огромного неоднородного фонда конкретных пограничных явлений и факторов, которые ранее не привлекали к себе пристального внимания, в то же время являлись свидетельством высокой степени сложности и многогранности анализируемого языкового материала, не вписывающегося в традиционную лингвистическую парадигму» [3].

3. Появлением новых парадигм – антропоцентрической лингвистики, теории речевых актов, коммуникативной лингвистики, функциональной лингвистики, теории дискурса.

С точки зрения представителей когнитивной семантики, действительность «проецируется» в семантику естественного языка, и полученная языковая картина [projected world] отличается от мира действительности. Это объясняется специфическими особенностями человеческого организма, например, человек видит свет и цвет, и они есть в языковой картине мира, но не видит рентгеновские лучи, и они в ней не отражены [9]. К тому же одну и ту же ситуацию носитель языка может описывать по-разному. Исходный набор параметров ситуации остается одним и тем же, но часть из них выводится на поверхностный уровень, а какие-то признаки затушевываются и проявляются как скрытые категории.

Большой вклад в развитие когнитивной семантики внесла А. Вежбицкая, разработавшая новую концепцию исследования лексикона с опорой на метафорическую формулу Лейбница «алфавит человеческих мыслей». В качестве основы семантического анализа она использует понятие семантических примитивов, т.е. элементарных смыслов, через соотнесённость с которыми определяются значения слова.

Историю развития когнитивной семантики в отечественном языкознании связывают с Московской семантической школой, представители которой И.А. Мельчук, А.К. Жолковский, Ю.Д. Апресян и др. Учёные обосновали исследовательскую модель «Смысл – текст» в «Толково-комбинаторном словаре русского языка». По мнению Р.М. Фрумкиной, именно в словарных статьях указанного издания был разработан семантический мета-язык описания, определивший «магистральный путь семантики на длительное время» [13].

Таким образом, данный подход к описанию лексики является функционально-когнитивным,

поскольку помогает обнаружить типы знаний, заключенные в одном слове, и показывает их синтаксические реализации на поверхностном уровне.

Базовой категорией когнитивной семантики признается концепт, который может выступать в виде ментальных сущностей разного объема и разного функционального назначения. Концепты составляют информационную основу картины мира, играя первостепенную роль в формировании фонда знаний индивида и передаче информации. Именно через концепты («стереотипы сознания») осуществляется мыслительная деятельность человека. В настоящее время существует несколько подходов к определению сути концепта. Самый первый из наметившихся подходов приравнивает языковой концепт к понятию. В некоторых других интерпретациях концепт приравнивается к значению слова. Наконец, языковой концепт рассматривается как совершенно особая сущность, как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [6, с. 90]. В этом смысле концепты понимаются как «посредники между словами и экстралингвистической действительностью», как соотносимые со значениями слов понятия. Исходя из такого понимания, концепт может рассматриваться как вербализованная или невербализованная сущность [5].

В существующих определениях концепта отражаются различные аспекты его содержания и функционирования. Одно из первых определений принадлежит А. Вежбицкой, которая интерпретирует данное понятие как объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире «Действительность» [1]. Ю.С. Степанов подходит к анализу концепта как культурологического феномена и подчеркивает, что концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека: «Концепт – это сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [12, с. 40]. Г.Г. Слышкин считает, что концепт – единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, так как он принадлежит созна-

нию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке [11, с. 9]. Также концепт трактуют как некоторую базовую сущность, позволяющую связывать смысл с употребляемым словом [10, с. 15], как содержательную единицу процесса концептуализации, посредством которого действительность преломляется в голове человека [4, с. 99]. Широкая трактовка позволяет весь арсенал когнитивных терминов описывать через концепт. Так, типология концептов включает такие его разновидности, как представления, понятия, фреймы, сценарии (скрипты), гештальты, когнитивные классификаторы [8]. Их дифференциальным признаком является способ отражения в сознании языковой личности объектов и явлений. Так, представление трактуется как «обобщенный чувственно-наглядный образ», схемы как обобщенный пространственно-графический образ, понятие как результат рационального осмысления, состоящий из наиболее общих, сущностных признаков. Фрейм в рамках данной трактовки объясняется как многокомпонентный концепт, «объемное представление». Сценарий (скрипт) трактуется как динамический фрейм. Гештальт интерпретируется как комплексная структура. Когнитивные классификаторы понимаются как классифицирующие процесс познания концепты.

Концепт – объект идеальный, т.е. существующий в нашем сознании. Концепт – это «бесплотное понятие», лишь слово дает осязаемое свидетельство его существования [1]. Естественно, одному и тому же слову в лексике разных людей могут соответствовать разные ментальные образования, поэтому А. Вежбицкая вводит термины «концепт-минимум» и «концепт-максимум». Концепт-минимум – это неполное владение смыслом слова, присущее рядовому носителю языка, для которого соответствующая реальность известна, но является как бы периферийной для жизненной практики. Концепт-максимум – это полное владение смыслом слова, свойственное рядовому носителю языка. За пределами концепта-максимума лежит энциклопедическая «добавка» [1].

Понятие «концепт» обозначает «кванты» знания, которыми оперирует человек в процессе мышления, и включает в себя информацию об обозначаемом понятии во всех его связях и отношениях.

Концепты сводят разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому, подводя их под одну рубрику; они позволяют хранить знания о мире и оказываются строительными элементами концептуальной системы, способствуя обработке субъективного опыта путем подведения его под общие категории [6].

Множественность концептов разного уровня, в которых проявляется многообразие и неоднородность знаний о реальной действительности, в настоящее время стала очевидной. Интересные подходы к анализу языкового материала содержатся в работах Т.А. Кильдибековой и Г.В. Гафаровой. Учитывая, что концепты обладают неадекватным функциональным потенциалом, с их точки зрения целесообразно выделить разные виды ментальных сущностей – собственно концепты (т.е. микроконцепты), макроконцепты и суперконцепты. Концепты, ориентированные на лексическое значение отдельной лексемы, имеют небольшой смысловой объем и выполняют идентифицирующую функцию. Они служат для описания («портретирования» атомарных лексем). Концепты могут также использоваться при интерпретации блоков лексем и классов слов довольно большого объема. В таких случаях в языке реализуются макроконцепты, проявляющие себя как семантическая категория наиболее высокой степени абстракции и включающая в себя частные значения конкретизации общей семантики. Макроконцепты представляют собой глобальные, масштабные сущности, обладающие огромной систематизирующей «силой». Вокруг них конкретизируется обширная смысловая область, для описания которой необходимо составлять достаточно объёмный словарь [2, с. 37].

Большой вклад в разработку базовых категорий когнитивной семантики внесли З.Д. Попова и И.А. Стернин, увидевшие в совокупности вербализованных концептов некую концептосферу языка, которая предстаёт как весьма сложная система, образованная пересечениями и переплетениями многочисленных и многообразных структур, организующих концепты то в ряды, то в цепочки, то в поля с центром и периферией, то в ветвящиеся деревья с перекрестными отсылками [8].

Исходя из сказанного и учитывая аргументацию названных авторов, можно предположить, что

понятия «макроконцепт», «суперконцепт», «базисный концепт» очень близки по содержанию и дифференцируются лишь по роли в передаче ментального содержания о внеязыковой действительности и аспектам конкретизации глобального понятия. Автор проекта создания функционально-когнитивных словарей Т.А. Кильдибекова считает, что макроконцепт реализует семантический потенциал ментальной единицы и выступает как источник и отправной пункт всех смысловых модификаций общего понятия, создавая обширный фрагмент словаря. Суперконцепт выражает синтаксические возможности ментальной единицы и проявляется в многообразии ситуаций, связанных с общим концептуальным значением. Базисный концепт ориентирован на роль и место ментального элемента в системе изофункциональных языковых единиц, выступая как составляющий компонент языковой картины мира. Ментальные сущности включаются в когнитивную сеть гетерогенных отношений, реализуя вертикальный и горизонтальный срезы развертывания общего понятия. Они выступают в качестве отправных пунктов, «узлов» в познании мира и создают когнитивные сети, на которых опираются концептуальная и языковая картины мира. В качестве подобных содержательных узлов в модели мира выступают понятия «жить», «двигаться», «работать», «видеть», «слышать» и др. [2, с. 38].

В силу всего вышесказанного полагаем, что в настоящее время единая теория концепта еще не разработана. Не решен вопрос об уровне «привязке» концепта.

По определению Д.С.Лихачева, концептосфера – это совокупность концептов определенной нации. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, религия, исторический опыт, тем богаче ее концептосфера [7]. Мы полагаем, что различный объем концепта в сознании отдельных носителей языка зиждется как на индивидуальном мышлении, так и на особенностях психики, уровне культуры и социальном статусе носителей языка. Чем больше объем концепта, тем богаче национальный, сословный, профессиональный, семейный и личный опыт человека, пользующегося концептом.

Таким образом, изучая семантическое пространство языка, исследователь получает определенные знания о концептосфере носителей этого языка, объективированной языковыми знаками и отраженной в его семантическом пространстве. Когнитивная семантика позволяет выявить общечеловеческие универсалии в отражении окружающей народы действительности, и, в то же время, дает возможность обнаружить национальные особенности в наборе концептов и их структуризации.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Пер. с англ. М., 1996.
2. Гафарова Г.В., Кильдибекова Т.А. Теоретические основы и принципы составления функционально-когнитивного словаря. Уфа, 2003.
3. З.Гаспаров Б. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
4. Залевская А.А. Некоторые вопросы отображения реальности у пользователя языком // Реальность, язык и сознание. Тамбов, 1999.
5. Иванова С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм: Учебное пособие. Уфа, 2004.
6. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Известия АН. Серия литературы и языка. Москва, 1997
7. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В.П.Нерознака. М., 1997.
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2002.
9. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость. М., 2000.
10. Ришар Ж.Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. М., 1998.
11. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.
12. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.
13. Фрумкина Р.М. «Теория среднего уровня» в лингвистике // ВЯ. 1996, № 2.

Поникаровская В.В.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

*к.п.н, доцент, доцент кафедры иностранных языков БФУ имени И. Канта,
г. Калининград*

DIE ENTWICKLUNGSTENDENZEN IN DER DEUTSCHEN GEGENWARTSSPRACHE

*Ponikarovskaja Valentina Viktorovna, Kandidat für pädagogische Wissenschaften, Dozentin,
Dozentin des Lehrstuhls für Fremdsprachen an der Baltischen Föderalen Kant-Universität, St. Kaliningrad*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена современным тенденциям развития немецкого языка на примере его лексического состава, который представляет собой наиболее открытую и подвижную сферу языка.

INHALTSANGABE

Der vorliegende Artikel ist den Entwicklungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache am Beispiel des Wortschatzes gewidmet, denn dieser ist ein weitgehend offenes und flexibles System innerhalb einer Sprache.

Stichwörter: die Wortbildung, die Synthese, die Komposition, die Neologismen, die Anglizismen, die Assimilation, die Kurzwortbildung, die Okkasionalismen.

Jede Sprache ist ein dynamisches System und unterliegt als solches ständigen Veränderungen. Zum einen bedeutet dies, dass sich eine Sprache über längere Zeiträume hinweg verändert, aber auch, dass verschiedene Sprachvarianten einer Sprache entstehen und nebeneinander existieren können. Die Veränderungen werden augenfällig vor allem im Wortschatz, denn dieser ist ein weitgehend offenes und flexibles System innerhalb einer Sprache. Die Triebkräfte, die hinter den sprachlichen Entwicklungen stehen, haben ihren Ursprung einerseits in der Sprache selbst und andererseits in den Trägern der Sprache.

Ziel dieses Artikels ist es, die gegenwärtig stärksten Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache anhand des Wortschatzes darzustellen und mögliche Ursachen dieser sprachlichen Veränderungen zu finden.

Die quantitative Erweiterung und der qualitative Ausbau der Gegenwartssprache erfolgen weitgehend mithilfe von Wortbildung und Wortbildungsmitteln. Die Neubildung von Wörtern vollzieht sich unter Verwendung von vorhandenem Sprachmaterial. Hinter jedem neuen Wort steht ein anderes, länger in der Sprache existierendes. Der Sprachwissenschaftler P. Braun richtet den Wahrnehmungsfokus dabei auf die in der Sprachgeschichte stärker werdende Tendenz, Wortgruppen zu einem Wort zusammenzufassen. Dieses Phänomen bezeichnet man als Synthese; sie trat bereits im Mittelalter auf, erreichte aber gerade in den letzten Jahren ungeheure Ausmaße. In keiner anderen europäischen Sprache werden so viele Wortgruppen zu einer Einheit zusammengefasst wie im Gegenwartsdeutsch. Die überaus starke Zunahme der zusammengesetzten und abgeleiteten Lexeme lässt sich auf folgende Ursachen zurückführen:

- der ungewöhnlich große Benennungsbedarf in allen Bereichen des modernen Lebens, z.B.: *Fachkräftemangel Bundesgesundheitsministerium*;
- das Streben nach Verdeutlichung, z.B.: *Verhütungsmittel, Serviceleistung, Doppelstaatsangehörigkeit*;
- das Streben nach sprachlicher Ökonomie;
- stilistische Gründe (viele Zusammensetzungen und Ableitungen bringen eine Aussage prägnanter und anschaulicher zur Geltung als umständliche Wortgruppen).

Dieses Phänomen der Komposition stellt eine der produktivsten Wortbildungsarten im Deutschen dar. Bislang gab es nur eine Art Komposita zu schreiben – zusammen. Dies scheint sich nun zu ändern: es ergeben sich einige neue Schreibweisen, die sich am Englischen orientieren. So findet beispielsweise der Bindestrich immer häufiger Verwendung, wenn es um Komposita geht. Diese Schreibart wird heutzutage fast in allen Bereichen des modernen Lebens verwendet, am meisten aber in der Werbesprache, z.B.: *Schoko-Genuss, puder-rosa, Kreativ-Ideen, Tropen-Paradies, Schnür-Boots, Top-Figur, push-up-raffiniert*. Dieser Neuerung in der Schriftsprache unterliegen auch Komposita, die ausschließlich deutsche Lexeme enthalten, z.B.: *Ohrfeigen-Urteil, Bund-Länder-Kommission, Uni-Verwaltung, Sprungbrett-Praktikumsbüro*. Dieser Trend, zusammengesetzte Wörter mit Bindestrich(en) zu schreiben, macht einerseits die Wörter übersichtlicher, verständlicher beim Lesen und bringt die Aussagen prägnanter zum Ausdruck; andererseits tragen diese Komposita zur Sprachökonomie bei.

Eine weitere, offensichtlich eine sehr beliebte Neuerung ist die Sitte, Komposita ebenfalls überschaubarer zu machen, indem man einzelne Elemente im Wortinnern großschreibt, z.B.: *HiWis, ServiceZentrum, TaschenAtlas, MitMission, MandolinenClub, UniversitätsLichtspiele*. Diese Tendenz ist in der Werbesprache äußerst gebräuchlich, aber selbst in amtlichen Drucksachen ist diese Neuerung verbreitet, z.B.: *LandesBank, InterCitiTreff, InHausPost, ProfiPartner, WirtschaftsWoche*. Die Aussagen wirken durch diese Schreibweise apart, expressiv, ästhetisch, viel lesbarer und anschaulicher, weil die Wörter optisch gegliedert werden.

Eine vergleichsweise seltenere Gruppe von Komposita bilden Zusammensetzungen, bei denen die einzelnen Elemente wie im Englischen getrennt geschrieben werden: *Windows Anfänger, Support Datei, Shell Verweis*. Auch wenn sämtliche Elemente aus der deutschen Sprache stammen, wird es so gemacht: *Notizblock Anwendung, Raster Schifffahrt, System Säuberung Eigenschaft*.

Eine weitere Neuerung im geschriebenen Deutsch ist, zwei Wörter mithilfe des „kaufmännischen Und“ (&) zu verbinden: *Uni & Job, mitmachen & gewinnen, Einstieg & Aufstieg, Einsichten & Aussichten, Infos & Fakten, Peperoni & Chili, Lust & Liebe, Mensch &*

Natur. Einerseits fördert auch dieses Phänomen die Übersichtlichkeit im Satz, andererseits wird die enge Verbindung zwischen den beiden Begriffen unterstrichen.

Die meist produktiven Wortbildungsmuster: laut den Untersuchungen von H. Glück und W.W. Sauer hat in den letzten Jahren im gesprochenen und geschriebenen Sprachgebrauch die Verwendung von Substantiven mit den Suffixen *-i/-y/-ie, -o* sowie dem Nullsuffix stark zugenommen, ohne dass diese Wortbildungselemente bisher in den Grammatiken und Wörterbüchern gebührend dargestellt worden sind [2, S. 69]. Als gebräuchlichste Beispiele gelten folgende Wörter, die besonders in der Jugendsprache verbreitet sind: *Studi, Ersti, Digi, Dummi, Grüni, Azubi, Prof, Alk, Uni, Mum, Spacko, Gollo, Schmacko*. Die Ursache dafür, dass sich heutzutage die gravierende Tendenz zu solchen Ableitungen beobachten lässt, ist ebenfalls die Sprachökonomie.

Desubstantiva stellen die prominentesten Wortformungen unter den Verbneubildungen dar. Dabei handelt es sich um die so genannte Eindeutschung, oder die Assimilation von Fremdwörtern. Die grammatische Behandlung von Anglizismen trägt dazu bei, ihre Wortgestalt den deutschen Erwartungen und Gewohnheiten anzupassen. Bei Verben erfolgt eine grammatische Assimilation, wenn sie mit den Wortbildungs- und Flexionsmorphemen (z.B. Infinitivendung) des Deutschen gebildet werden z.B.: *leasen, walken, fixen, juxen, palavern, shoppen, clubben, relaxen, anpowern, reinmoven, surfen, joggen*. Eine zusätzliche Assimilation kann erfolgen wenn fremdsprachliche Verben als Analog zu deutschen zusammengesetzten Verben gebildet werden: *outsourcen, downloaden, updaten*. Sie werden syntaktisch oft wie trennbare Verben behandelt: *ich source out, er loadete down, wir haben upgedatet*.

Weiterhin lässt sich eine deutliche Zunahme von Wörtern feststellen, deren Wortbildungsmuster als Kurzwortbildung zu nennen ist, z.B.: *StuRa (Studentenrat), AntifaHG (Antifaschistische Hochschulgruppe), UrMEL (University Multimedia Electronic Library), Thoska (Thüringer Hochschul- und Studentenwerks-Karte)*. Übersichtlichkeit halber werden einzelne Buchstaben ebenfalls großgeschrieben. Diese Wörter unterstützen ebenfalls die Sprachökonomie.

In jeder Sprache kann man die Neuaufnahme sowie das Veralten von Wörtern beobachten. Die Gründe dafür können sehr vielfältig sein. Zum einen führt die Erfindung und Produktion neuer Gegenstände dazu, dass man für solche bislang unbekannte Dinge eine Bezeichnung braucht. Ebenso verhält es sich, wenn Gegenstände aus anderen Kulturen Eingang in den deutschen Alltag finden und dafür Begriffe benötigt werden.

Nicht zuletzt spielen bei der Neologismenbildung gesellschaftliche, politische und sozioökonomische Veränderungen eine große Rolle. Auf nationaler Ebene mussten sich die Deutschen mit der Krise des Sozialstaates und des Bildungswesens befassen und, um die Probleme bzw. Maßnahmen dagegen bezeichnen zu können, prägte man folgende Wörter z.B: *Hartz IV, Rührupp-Rente, Riester-Rente, Ich-AG, Agenda 2010* sowie *PISA-Schock und Pisa-gebeutelte Nation*. Ein weiteres Phänomen, mit dem man sich in der deutschen Öffentlichkeit nunmehr auseinandersetzt, ist die Ausländerproblematik. Schlagwörter wie *Parallelgesellschaft, Kopftuchstreit* und *Integrationsproblem* wurden geprägt. Auch das Zusammenrücken Europas spiegelt sich in den Neuprägungen wieder: mit der Einführung des Euros als gemeinschaftlicher Währung kam das Wort *Teuro* auf, die *BSE-Krise* beunruhigte alle Mitgliedsstaaten der EU und kürzlich feierte man die *EU-Osterweiterung*.

Die Neuaufnahme von Wörtern in den Wortschatz ist es ein systematischer Prozess. So kann man unter den Neuwörtern einige Wortgruppen unterscheiden, hinter denen lexikalische Tendenzen zu vermuten sind. Betrachtet man zum Beispiel die Neuentlehnungen aus dem Angloamerikanischen wie *E-kommilitonen, Online-Kurse, Business, Investment, Computer, Cockpit, Cartoon, Countdown, Hit* und *Image*, fällt auf, dass viele dieser Wörter den Fachbereichen Wirtschaft, Politik, Technik, Sport, Musik zuzuordnen sind.

Die letzte wichtige Gruppe von Neologismen bilden umgangssprachliche Neuerungen. Beispielsweise entwickelten sich für das Verb *rauchen* mehrere informelle Synonyme: *chiggen, knörzen, wacken* oder *sim-sen* für „sms schicken“, *googeln* für „Google-Suche“. Es scheint, dass die Jugendlichen den Veränderungen gegenüber am offensten eingestellt ist, vielleicht auch um sich mit ihrer Sprache von der älteren Generation

abzugrenzen. Deswegen findet die oben erwähnte Entwicklung am stärksten in der Jugendsprache statt.

Eine Gruppe von Neologismen, die zwar in der Alltagssprache häufig zum Ausdruck kommt, jedoch keinen Eingang in den Wortschatz der Sprachgemeinschaft findet, bilden die so genannten Okkasionalismen [4, S. 98]. Auch in der Kreation und Anwendung von solchen Einmalbildungen scheinen die Jugendlichen die Vorreiter zu sein. In ihrer Sprache findet man unter anderem Wörter, die zwar zum gängigen Vokabular der Deutschen gehören, jedoch von ihnen in anderer Bedeutung verwendet werden. Beispiele dafür sind *blöken* für „husten“, *Folterkammer* für „Turnhalle“ und *schwallen* für „viel reden“. Die Ursache dafür, dass sehr viele Einmalbildungen in äußerst großer Zahl in der Jugendsprache vorkommen, liegt in der Funktion von Okkasionalismen. Zum einen sind sie ungewöhnlich und auffällig. Zum anderen versehen die Jugendlichen diese Wörter mit bestimmten Konnotationen, was den Jugendlichen hilft, sich mit dem Gebrauch von Okkasionalismen in ihrer Sprache von den Erwachsenen abzugrenzen. Als Beispiele für kürzlich entstandene Okkasionalismen in der Jugendsprache kann man folgende Einmalbildungen anführen: *Münzmallorca* für „Solarium“; *Intelligenzallergiker* und *SchnippiNoop* für einen „dummen Menschen“; *Erzeugfraktion* und *Kohlenbestrafer* für „Eltern“ u.v.a.

Die Werbesprache bedient sich ebenfalls gerne den Einmalbildungen, z.B.: *intensivleuchtend*, *sonnensensibel*, *spiegelschön*, *Bikinifigur*, *Farberlebnis*, *Haar-Power*, *Duscherlebnis*, *Selbstverteidigungspflege*. Werbetexter scheinen zwei positiv besetzte Begriffe zusammenzufügen, um die Überlegenheit des eigenen Produkts hervorzuheben. In diesem Sinne äußert sich auch H. Elsen, indem er sagt, dass „anhand der werbesprachlichen Neologismen kommt die appellativ-persuasive Funktion dieser Sprachvarietät zum Ausdruck“ [3, S. 85].

Englisch ist heute die Lingua Franca der Welt und damit die Hauptquelle für neue Wörter in vielen anderen Sprachen. Hinsichtlich der Anglisierung der deutschen Sprache herrscht ein großes Begriffsdurcheinander. Man kann dabei mehrere Arten von „Denglisch“ bzw. „Engleutsch“ unterscheiden. Die erste Gruppe macht ursprüngliches Englisch aus. Darunter ist die unveränderte Übernahme aus dem englischen Wortschatz ins

Deutsche gemeint, z. B.: *Audit*, *Ghostwriter*, *Message*, *Patchwork*, *Thrill* usw. Oftmals verdrängen die Einwanderungswörter sogar bestehende deutsche. Ein Wort wie *Ticket* räumt ein ganzes Bündel deutscher Wörter aus dem Weg, beispielsweise *Fahrkarte*, *Flugschein* oder *Strafzettel*. Zu einer weiteren Art der Anglizismen im Deutschen wird das so genannte „einge-deutschte“ Englisch zugerechnet. Eindeutschungen zeigen die Bemühung, ein englisches Fremdwort für die deutsche Sprache verwendbar zu machen: *fighten*, *managen*, *timen*, *Insiderin*, *Survivalismus*. Deutsch-englische Wortmischungen stellen einen weiteren Typ im „denglischen“ Wortgut dar. Solche Wortmischungen sind aus einem deutschen und einem englischen Bestandteil zusammengestellt: *Back-Shop*, *BahnCard*, *Laserdrucker*, *630-Mark-Job*, *Outeinwurf*, *Slipeinlage*, *uncool*. In einem Wort können auf diese Weise unterschiedliche Ausspracheregeln aufeinander treffen.

Anglizismen haben in der deutschen Sprache, wie alle anderen Fremdwörter verschiedene Funktionen. Einerseits ermöglichen sie eine inhaltliche Nuancierung durch Hervorrufung spezifischer Assoziationen. Andererseits kann durch die Wörter aus dem angloamerikanischen Sprachraum wirkungsvoll ein kulturspezifisches Kolorit erzeugt. Anglizismen können eine Signalfunktion haben, d.h., sie können Aufmerksamkeit erregen. Deswegen finden sich immer noch viele davon in der Kommunikationsbranche und im Marketing. Sie ermöglichen Variation im Ausdruck und dienen dazu, störende Wiederholungen zu vermeiden.

Anglizismen sind ein unentbehrlicher Bestandteil des deutschen Wortschatzes. Die deutsche Sprache kam nie ohne Fremdwörter aus, weil sie verschiedene wichtige Funktionen im Rahmen der alltäglichen wie der fachspezifischen Kommunikation erfüllten. Fragwürdig kann der Gebrauch von Fremdwörtern dort werden, wo die Gefahr besteht, dass sie Verständigung und Verstehen erschweren, wo sie der Manipulation (z. B. in der Sprache der Politik oder der Werbung) dienen, oder wo sie lediglich als intellektueller Schmuck verwendet werden.

Zusammenfassend kann man folgende Schlussfolgerungen ziehen:

- Als Haupttendenz in der deutschen Wortbildung tritt die Synthese, oder Komposition, auf. Komposita unterliegen am stärksten

сchriftsprachlichen Neuerungen (mit Bindestrich(en), getrennt oder mithilfe des „kaufmännlichen Und“).

- Alle diese neuen Schreibweisen tragen zur Sprachökonomie und besseren Anschaulichkeit bei, indem das Wort optisch gegliedert wird. Zu den produktivsten Wortbildungsmustern im gegenwärtigen Deutsch zählt man die Kurzwortbildung und die Suffigierung bei den Substantiven. Desubstantiva und „Eindeutschung“ von Anglizismen sind die gebräuchlichsten Wortbildungsarten bei den Verben.
- Bei der Neologismenbildung im gegenwärtigen Deutsch spielen einerseits gesellschaftliche, sozioökonomische und politische Veränderungen eine große Rolle. Andererseits lässt sich eine beträchtliche Zunahme von Neologismen wie Okkasionalismen in der Jugendsprache beobachten, was der jüngeren Generation ermöglicht, sich mit ihrer Sprache von den Erwachsenen abzugrenzen. Einmalbildungen, die heutzutage in äußerst großer Zahl in der Werbesprache vorkommen, haben eine

Signalfunktion. Sie erregen Aufsehen und machen dadurch die Manipulation der öffentlichen Meinung möglich.

- Anglizismen sind die am häufigsten gebrauchten Fremdwörter in der deutschen Gegenwartssprache. Sie kommen in allen Bereichen des modernen Lebens vor, sodass man von „galoppierender“ Anglisierung spricht.

Literaturverzeichnis

1. Braun, P. Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache: Sprachvarietäten / P. Braun. – 3. Auflage. – Stuttgart: Kohlhammer, 2012. – 265 S.
2. Glück, H. Gegenwartsdeutsch / H. Glück, W. W. Sauer ; hrsg. von P. Wiesinger. – Stuttgart: Metzler, 2010. – 199 S.
3. Elsen, H. Neologismen: Formen und Funktionen neuer Wörter in verschiedenen Varietäten des Deutschen / H. Elsen. – Tübingen: Günter Narr, 2011. – 202 S.
4. Fleischer, W. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. / W. Fleischer, G. Michel, G. Starke ; hrsg. von G. Stickel. – 2. Auflage. – Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2012. – 341 S.

Прокопец М.И.

АЛЛЮЗИЯ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА)

аспирант, Черновицкий Национальный университет имени Юрия Федькова, г. Черновцы

ALLUSION AS A REALIZATION OF INTERTEXTUALITY (BASED ON THE ENGLISH ADVERTISING DISCOURSE)

Prokopets Maryna, Ph.D. student, Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University

АННОТАЦИЯ

В данной статье мы описываем основные принципы дифференциации аллюзии и смежных явления, как интертекстуальность, реминисценция, цитата. А так же мы предоставляем примеры и доводы, что четко выражают тот факт, что аллюзия является реализацией интертекстуальности, а не её средством.

ABSTRACT

In this article we describe the basic principles of differentiation of allusions and related phenomena such as intertextuality, reminiscence, quote. Also we provide examples and arguments that prove the fact that the allusion is an implementation of intertextuality, not one of intertextuality means.

Ключевые слова: аллюзия, интертекстуальность, рекламный дискурс.

Keywords: allusion, intertextuality, advertising discourse.

Интертекстуальность и аллюзия часто встречаются в работах лингвистов как нераздельное целое. Термин "интертекстуальность" ввела постструктуралистка, ученица Р. Барта, Ю.Кристева в 1967, но само явление существовало гораздо раньше. Интертекстуальность рассматривают в контексте литературоведения, лингвистики, культурологии и философии.

Основным положением в исследовании интертекстуальности является позиция многих ученых, что все тексты, создаваемых определенным образом связаны уже с уже существовавшими. Для описания имеющихся текстов, элементы которых используются в текстах преемников, называют "чужим словом", "прецедентными текстами", "текстом в тексте", "претекстом".

Интертекстуальность исследовали в различных аспектах как отечественные, так и зарубежные ученые – Г. Брауэр, В. Торнтон, Дж. Лонкранц, М. Тухарели, И. Арнольд, В.Ирвин, В. Байков, Р. Барт, М. Грессе, Ж. Деррида, Ю.Кристева, М. Фуко, И.Гальперин, Н.Фатеева, О.Кубрякова, А.Тютенко и многие другие. Проблема определения интертекстуальности и ее типов обусловлена противоречивостью взглядов, что исключает четкое определение явления. Существует множество вариаций определения интертекстуальности, иногда ученые даже описывают интертекст как плагиат. Мы хотели бы сразу разграничить эти понятия, поскольку иногда сложно четко определить явление как плагиат или интертекстуальность. Например, ряд рекламных аллюзивных слоганов на одно и то же выражение можно рассматривать как существующие параллельно и соответственно выражающие интертекстуальность, или как плагиат одного удачного слогана, который был построен на интертекстуальности.

Возникает вопрос сознательного и бессознательного использования "чужого слова". Иногда автор считает определенную информацию общеизвестной (по Г.В. Денисовой, это интертекстуальный стереотипы) [2, с.34] и использует её несознательно без ссылки на автора. Так же реципиент может не осознавать наличия интертекстуальности в сообщении – в этом и состоит специфика рекламы с использованием аллюзии в плане реализации интертекстуальности.

Главной задачей продуцента является такое использование аллюзии, которое дает стопроцентную гарантию того, что реципиент поймет наличие аллюзии. Таким образом для рекламного дискурса, который содержит аллюзию, факт "узнавание" реципиентом аллюзии является определяющим.

В других дискурсах обычно проще разграничивать интертекст и плагиат. Плагиатом, как правило, считают присвоение, сознательное похищение чужого произведения. Поэтому в контексте описания аллюзии как реализации интертекстуальности на материале рекламного дискурса мы не можем рассматривать плагиат, поскольку в отсылание, представляющем аллюзию нет присущих плагиату особенностей. А источником интертекстуальности соответственно являются культурные и (или) социально-исторические контексты, которые апеллируют к знаниям реципиента.

Общим для всех является понимание интертекстуальности как отсылания к "чужому слову". Также мы хотели бы упомянуть еще один термин "сильные тексты" - это тексты, на которых обычно строится интертекстуальность, то есть это тексты, которые хорошо запечатлелись в памяти членов определенного социума, в котором и создаются "тексты в текстах".

Таким образом, термин "интертекстуальность", как мы уже упоминали, имеет довольно много различных определений, комплексным мы считаем следующее: интертекстуальность – это разносторонняя связь текста с другими текстами по содержанию, жанрово-стилистическими особенностями, структурой, формально-знаковым выражением. Существует также такой вариант определения – мы назовем интертекстуальностью такую текстуальную интеракцию, которая происходит в тексте для обозначенного субъекта, интертекстуальность – это признак того способа, которым текст прочитывает историю и вписывается в нее [3, с.225]. Однако основополагающим считается толкование Р. Брата: "Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее знакомых формах: тексты предшествующей культуры и культуры сегодняшней" [1, с.323].

Ю. Кристева дала также определение интертекстуальности как текстовой интеракции в пределах того же текста [4, с.34]. Со временем определения интертекстуальности менялось, поскольку расширялось содержание понятия, вложенного в него. Общее во всех дефинициях – выход за пределы текста, отношение "текст - тексты - система" (система сочетания, композиционная, языковая система). Для такого отношения необходимо понятие "архитекст" и "прототекст". Архитекст – это логическое понятие текстовой совокупности в дистрибутивном смысле, прототекст – более ранний текст.

Выделяют также фреймовые репрезентанты, которые предусматривают введение в определенный текст фрагментов, наделенных устойчивой ассоциативно-контекстуальной связью с внеязыковыми факторами. Редко выделяют прецедентную ситуацию – значимое событие, реально произошедшая в жизни этноса и цивилизации или было смоделировано коллективным или индивидуальным сознанием, и прецедентное имя – индивидуальное имя известного человека, персонажа произведения, артефакта, связано соответствии с прецедентной ситуацией или известным текстом. Также выделяют прецедентное высказывание - завершена и самодостаточная единица языка, представляет собой сложный знак, сумма значений которого не равна его смыслу: последний всегда «шире» простой суммы значений [5, с.156]

Стоит заметить, что фреймовые репрезентанты и перифразы можно рассматривать как подтипы аллюзии. Фреймовые репрезентанты выражают тип реализации аллюзии, а перифразы выражают прагматическую функцию аллюзии, которая в рекламном дискурсе будет обязательной.

Разграничение прецедентности и интертекстуальности тоже является спорным вопросом современной лингвистики, но учитывая, что они имеют общие объекты исследования, мы считаем понятия смежными.

Если рассматривать другие средства, реализующие интертекстуальность, то считаем нужным их систематизировать следующим образом: источник – цитата – реминисценция – аллюзия – центонные тексты (комплексы средств интертекстуальности). Последние рассматривают не все авторы, по поводу других существуют другие взгляды.

Ряд ученых определяет аллюзию как средство интертекстуальности, одно из смежных с цитатой и реминисценцией, последнюю опять же выделяют не все, и часто рассматривают это явление как цитату без ссылки. Именно потому, что аллюзию часто подчиняют интертекстуальности, возникают некоторые споры по поводу определения аллюзии. Именно поэтому мы используем понятие "реализация", когда описываем аллюзию в сочетании с интертекстуальностью.

Существуют достаточно четкие грани разграничения цитаты, реминисценции и аллюзии. Цитата – это особый способ воспроизведения чужого языка, это дословно воспроизведенный элемент текста, который воспроизводится без изменений и со ссылкой на автора (источник). Реминисценция – это неявная цитата, то есть это такой же дословно воспроизведенный элемент текста, но без ссылки на автора или источник.

Аллюзия же имеет более сложную природу, поскольку является отсыланием к фактам и явлениям, а не только текстам. Аллюзия – отсылание к литературному произведению, сюжету или образу, кинематографическому, мифическому, историческому событию или явлению, бытовому факту и бытовому стереотипу и другим явлениям с расчетом на определенную эрудицию и осведомленность аудитории, призванную разгадать закодированный смысл этого сообщения.

Поэтому можно сделать вывод, что интертекстуальные процессы опираются на когнитивную основу и являются вариантом реализации концептуальной картины мира благодаря, в частности, составляющими языковой картины мира.

Таким образом, мы рассматриваем аллюзию несколько шире чем интертекст в "узком восприятии", а потому говорим именно о аллюзии как о реализации интертекстуальности, а не ее выражение. Если же рассматривать интертекстуальность широко, то аллюзия будет средством выражения интертекстуальности, но мы все же склонны разграничивать эти понятия.

Проанализировав труды ученых и сопоставив их с нашим исследованием, можем сделать вывод, что интертекстуальность еще остается неструктурированным явлением современной линг-

вистики. Ученые часто пользуются разнообразными терминами, не обобщая их, или же рассматривая в отрыве от других явлений. Так, некоторые лингвисты рассматривают аллюзию как реализацию интертекстуальности только в контексте отсылания к произведениям литературы, хотя аллюзия является многогранным явлением и имеет ряд различных проявлений, поэтому мы считаем такой подход недопустимым и занимаемся структурированием средств реализации интертекстуальности и выделять те явления, которые являются разновидностями аллюзии, а не существуют обособленно.

Таким образом, можем сделать вывод, что реализация аллюзией интертекстуальности актуальна для рекламного дискурса в контексте закона языковой экономии, который играет чрезвычайно большую роль в рекламных сообщениях.

Дальнейшие исследования в данном направлении видим в компаративных анализах, объектом которых будет реализация интертекстуальности через разные стилистические приемы и фигуры на материале разных дискурсов и языков.

Литература:

1. **Барт Р.** Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989 - 616 с.
2. **Денисова Г.В.** В мире интертекста: язык, память, перевод. – М.: Азбуковник, 2003.
3. **Ильин И.П.** Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996
4. **Кристева Ю.** Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник МГУ. - Серия 9. Филология. – 1995. – №1.

Рабенко Т.Г.

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПИСЬМЕННУЮ РЕЧЬ УЧАЩИХСЯ

кандидат филологических наук, доцент КемГУ, г. Кемерово

Rabenko Tatiana, Candidate of Science, assistant professor of Kemerovo State University, Kemerovo

АННОТАЦИЯ

В данной статье поднимаются вопросы повышения речевой культуры учащихся. В связи с чем рассматриваются типичные речевые ошибки, обусловленные влиянием устно-разговорной разновидности языка, которая формируется в процессе естественного общения ребенка с взрослыми. Наличие подобных ошибок объясняется устойчивыми коммуникативными навыками, приобретаемыми учащимися в процессе овладения разговорной речью. У обучающихся важно сформировать убеждение, что разговорная речь, будучи нормативной для повседневной обиходно-бытовой коммуникации, в ситуации устного официального общения представляется недопустимой.

ABSTRACT

Increase of students speech culture is brought up in this article. Typical speech errors due to the influence of oral colloquial language varieties, which is formed in the natural communication between a child and an adult are considered. The presence of such errors is explained with stable communicative skills acquired by students in the process of mastering conversational speech. It is important to form a belief that spoken language is normative for everyday communication, and it is unacceptable for official one.

Ключевые слова: речь, разговорная речь, речевая культура.

Keywords: speech, informal conversation, speech culture.

Повышение речевой культуры учащихся – одна из актуальных задач, стоящих перед современной школой. Особое значение в связи с этим приобретает целенаправленная работа над правильностью речи, ее соответствием языковым нормам,

поскольку правильность речи является обязательным, хотя и не единственным показателем речевой культуры школьника. Установлено, что среди факторов, влияющих на нарушение языковых норм в речи учащихся, наряду с давлением языковой системы, сложностью механизма порождения речи,

влиянием речи окружающих [6, с.5-12], выделяется воздействие устно-разговорной речи (в дальнейшем РР) – той разновидности языка, которая используется повседневно в процессе неофициального общения [2, с.109-122].

Как показывает специальный анализ, более трети всех речевых ошибок и недочетов в ученических работах обуславливаются влиянием разговорной стихии на речь учащихся. Это обстоятельство находит вполне определенное объяснение. Ребенок овладевает языком через посредство РР, которую он слышит с первого года жизни. Фактически владея лишь одной разновидностью литературного языка – РР, ребенок с приходом в школу попадает в сферу действия иных форм литературного языка, неразговорных. Уже освоенная им и потому естественная для него РР оказывает воздействие на письменную речь, изучаемую ребенком в школе и поначалу еще на ставшую для него привычной. Перед преподавателем возникает необходимость разъяснить учащимся, что если в повседневной обиходно-бытовой коммуникации РР закономерна и нормативна, будучи одной из функциональных разновидностей литературного языка, она «обязательна в истинной речевой культуре для повседневного общения» [5, с. 4], то в ситуации устного официального общения, общения с отсутствующим адресатом речи, то есть в письменной форме, РР недопустима. Учащийся должен знать, в чем отличия книжно-письменной речи от устной РР, на какие особенности письменной формы речи следует более всего обращать внимание при работе над сочинением, изложением и др.

Безусловно, сам учитель-словесник должен четко представлять, в чем же заключается своеобразие РР, каковы ее основные системно-функциональные свойства. Опора на эти сведения, а подчас и отталкивание от того, что свойственно только РР, помогут учителю понять причины неудачных построений и оборотов, допускаемых учащимися в официальной устной/ письменной речи, а в целом будут способствовать совершенствованию процесса обучения русскому языку, повышению грамотности учащихся. Для того чтобы учащийся смог познать разницу между разговорной и неразговорной речью, научился выбирать тот вариант литера-

турного языка, который предназначен для употребления в определенной сфере жизни (а в этом умении выбирать соответствующий случаю вариант языка и заключается владение языком), необходимо, чтобы и сам учитель хорошо представлял отличие РР от иных литературных и нелитературных форм национального языка.

Однако осмыслению феномена РР затрудняет тот факт, что в современной лингвистике нет единой общетеоретической позиции относительно системы национального языка и места в этой системе РР [3]. РР определяется в науке и как самостоятельная система, противопоставленная кодифицированному литературному языку [1], и как устная форма разговорного стиля (в своей ядерной части) [4], и как устно-разговорная разновидность современного русского литературного языка [2]. Тем не менее, очевидные расхождения в трактовке РР, свидетельствующие о возможности различных подходов к выделению лингвистического объекта, все же не препятствуют воссозданию общей картины РР, ибо при всех научных спорах и несогласиях в речевом континууме четко выделяется такой участок, который, бесспорно, реализует РР – речь устную, спонтанную, персонально адресованную, обнаруживающуюся в условиях непосредственного неофициального общения.

В настоящей статье вслед за О.Б. Сиротининой [6, с. 5-12] выделяется ряд типичных ошибок в ученических письменных работах, обусловленных влиянием РР. Источником фактологического материала послужили письменные работы учащихся 5-11 кл. образовательных учреждений г. Кемерово и Кемеровской обл.

Лексические ошибки

1). Частая повторяемость одних и тех же слов вследствие свойственной разговорной речи в целом лексической бедности. Если в естественной устной речи это малозаметно и допустимо, то в письменных работах нетерпимо: У меня есть котенок. Котенка мне подарили на день рождения. Я часто играю с котенком (5-й кл.); Рядом с лагерем есть лес, а за лагерем есть речка (6-й кл.); Покрытая листьями лесная тропинка привела нас на лесную поляну (7-й кл.); Я не согласен с точкой зрения автора, моя точка зрения другая (ЕГЭ. 11-й кл).

2). Использование в одном предложении однокоренных слов (тавтология): Такая проблема актуальна в наше современное время (ЕГЭ, 11-й кл.); Аргументируя свою точку зрения, хочу привести следующие аргументы (ЕГЭ, 11 кл.); Комната наполнена светлым светом (5-й кл.); Я расскажу интересный рассказ (6-й кл.).

3). Нарушение лексической сочетаемости слов: Труд создает человеку радость (7-й кл.); Писатель выразительно подчеркивает эту проблему (ЕГЭ, 11-й кл.); Мы верили в неминуемую победу (ЕГЭ, 11-й кл.); Прошел взад и вперед свою страну (ЕГЭ, 11-й кл.).

4). Ошибочное употребление учащимися в так называемых «литературоведческих» сочинениях нелитературных слов: Евгений Онегин сначала воротил нос от Татьяны и не разглядел ее красоты (ЕГЭ, 11-й кл.).

5). Вследствие бедности активного словарного запаса использование ненормативного словообразования: Это певчая птичка (вместо «певчая»). 5-й кл.); Отмечается равнодушие людей к сохране и чистоте природы (ср. охрана и сохранение. ЕГЭ, 11-й кл.); В людях я ценю дружелюбность (вместо «дружелюбие». 7-й кл.); Не люблю ленивость (вместо «лень». 7-й кл.); Своей упрямостью я добиваюсь многого (вместо «своим упрямством». 7-й кл.); У него были кудрявые белорусые волосы (белокурые или русые. 7-й кл.).

Морфологические ошибки

1). Под влиянием разговорной привычки к полным прилагательным в сочинениях учащихся появляются объединения в однородный ряд полного и краткого прилагательных: Они непредсказуемы и вспыльчивые (вместо «Они непредсказуемы и вспыльчивы». 5-й кл.); Девушка румяная, гладко причесана (6-й кл.).

2). Использование полных прилагательных в случаях, где уместно употребление краткого: Эта проблема очень актуальная (вместо «актуальна». ЕГЭ, 11-й кл.); Он (волк) голодный и идет удовлетворять это (вместо «Он голоден» 5-й кл.).

3). Неправильное употребление местоимений, и, как следствие, в частности, возможность связать местоимения с разными предметами, лицами и т.д.: Папа подарил мне щенка. Он очень забавный (5-й кл.); Когда мальчик Коля попрощался с

отцом, он не плакал (6-й кл.); Герасим принес Муму чашку молока, поставил ее на кровать, но она не умела пить (10-й кл.).

4). О недостаточной культуре учащегося и, возможно, его окружения свидетельствует неправильное образование притяжательного местоимения 3-го л. мн. ч.: ихний, ихняя, ихая, евошный и др.: Ихняя собака начала лаять (5-й кл.).

5). Употребление местоимения тот без его конкретизации придаточным: Витя еще с того дня накопил червей; Рахметов был близок к народу. Он испытывал ту горькую и тяжелую ношу, выпавшую на долю народа [6, с. 113].

6). Использование в пределах одного предложения разных форм времени глаголов: О том, что волк бежал, говорят его вытянутые ноги (сочинение по картине В.Васнецова «Иван Царевич на сером волке», 5-й кл.); Митя стоял у доски и не знает, как решить задачу (6-й кл.).

Синтаксические ошибки

1). По наблюдению О.Б. Сиротининой [6, с. 113], синтаксические ошибки не всегда легко отличить от намеренного использования разговорного синтаксиса в выразительных целях. К примеру, разговорные добавления похожи на намеренное дробление. Но парцелляция как выразительное средство в сочинениях учащихся встречается редко, поэтому подобное построение предпочтительно рассматривать как немотивированные добавления в результате привычки к разговорным нормам (о конструкциях добавления, свойственных РР, см. [2, с. 137 и далее]): В лесу мы собирали грибы. И ягоды (5-й кл.); В народе на берегах Байкала есть легенда. Об Ангаре (7-й кл.).

2). Ошибочное «дробление» сложных предложений, нанизывание их частей без предварительного планирования структуры предложения: Я пошел домой. Потому что мне надо было делать уроки (ЕГЭ, 11-й кл.); Во время войны мой дед был ранен. Когда вел солдат в атаку (ЕГЭ, 11-й кл.)

3). Неполнота, незавершенность предложения, недопустимая в письменной речи: Катерина мечтала (о чем) и стремилась к настоящей любви; Наш город очень молодой, а потому (в нем) много молодежи [6, с. 114].

4). Ассоциативный способ построения речи (ассоциативный принцип построения свойствен РР,

в то время как письменная речь характеризуется иерархическим развертыванием мысли): Больше всего надо бояться равнодушных людей тем, что ему все равно, что происходит вокруг него, и друзей у таких людей нет, так как друзьям надо поддерживать (7-й кл.); У мальчика были серые глаза, широкие скулы, большой рот и голова (7-й кл.).

5). Ошибочное построение словосочетаний.

Ошибки в размещении зависимых слов в словосочетании с несогласованным определением либо дополнением: Фон сливается с ее (птицы) окрасом грудки и голова неба утреннего окраса (5-й кл.); Детство прошло Онегина в Петербурге (10-й кл.).

Неправильное размещение слов в сложных словосочетаниях. В РР сложные словосочетания подаются как бы порциями, то есть единое словосочетание фактически отсутствует: Гончаров создал типичный образ. Для его современников. Письменная речь основывается на иерархическом принципе организации словосочетания: образ (какой?) типичный, типичный (для кого?) для его современников. Типичный для его современников – словосочетание, служащее определением к существительному образ. В итоге для письменной речи возможны два варианта: Гончаров создал образ, типичный для его современников или Гончаров создал типичный для его современников образ [6, с. 117].

Объединение нескольких словосочетаний, построенных на основе управления: Глубже, серьезнее стала ее полная душа любви (10-й кл.)

Объединение словосочетаний с разными главными словами: Это не позволяет жить Раскольникову как все люди (позволяет Раскольникову; жить как все люди. ЕГЭ, 11-й кл.)

Постпозиция согласованного определения: Фон сливается с ее (птички) окрасом грудки и голова неба утреннего окраса (5-й кл.). В саду растут цветы синие. И белые (5-й кл.); Ранним утром отец с сыном старшим пошли на рыбалку (6-й кл.); Здания большие и красивые в центре города быстро вырастали (8-й кл.).

6). Ошибочное расположение частиц, союзов и союзных слов: Важно понять главное только (только понять или только главное, ЕГЭ, 11-й кл.); Только чего не пережила моя Родина в годы войны

(Чего только не пережила моя Родина в годы войны); Он работал очень усердно, даже спать ложился когда, то под голову клал письмо, чтобы быстрее взяться за работу (сочинение, 11-й кл.); Читаю когда эту повесть, то вспоминаю о своем детстве (сочинение, 11-й кл.); Детство их же такое счастливое (8-й кл.).

Возможен отрыв определительного придаточного с союзным словом который от определяемого существительного: Я не ем магазинные помидоры, покупаю только у бабушек, которые выросли на грядке (ЕГЭ, 11-й кл.); Это произведение посвящено Великой Отечественной войне, о котором я хочу рассказать (ЕГЭ, 11-й кл.); Снега было много в лесу, который лежал на деревьях (7-й кл.); Он совершил поступок, впоследствии из-за которого пришлось уехать в другой город (9-й кл.)

Часто в начале предложения используется союз также: Также я горжусь, что родился в Кузбассе (ЕГЭ, 11-й кл.).

8). Ошибки, связанные с плеонастическим использованием местоимения, когда местоименная подпорка» дублирует ранее названное субстантивное подлежащее: Медведи они красивые (5-й кл.); Рассказ он интересный (6-й кл.); Человек, в отличие от собаки, он может и предать (ЕГЭ, 11-й кл.).

Иную роль играют «лишние» местоимения в определенных качественных конструкциях, где местоимение имеет особое значение и не является ошибочным: Победа – она шла к нам трудно (сочинение, 11-й кл.); Техника – она всегда подводит; Авторитет – он нелегко завоевывается [7, с. 122]).

Таким образом, устно-разговорная речь формируется в процессе естественного общения ребенка с взрослыми. В то время как книжно-письменная речь появляется в результате специального целенаправленного обучения. Овладевая письменной речью, учащиеся по сути дела овладевают новым средством общения. И в этом новом средстве коммуникации, безусловно, сказывается привычка к РР. Коммуникативные навыки, приобретаемые учащимися в процессе овладения РР, оказываются достаточно устойчивыми. В итоге работа над повышением речевой культуры учащихся сопрягается, помимо прочего, и с преодолением речевых ошибок, вызванных влиянием разговорной стихии. Ис-

тинная культура речи (кроме соблюдения этических, ортологических правил) предполагает следование стилистическим, функционально-стилевым и коммуникативным нормам, умение строго разграничивать устную/ письменную, официальную/ неофициальную речь.

Список литературы

1. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
2. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
3. Рабенко Т.Г. Литературная разговорная речь и ее своеобразие. Кемерово, 1997.
4. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.
5. Сиротинина О.Б. Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи. М., 1996.
6. Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. М., 1982.

Ширяева О.В.

О НЕКОТОРЫХ БАЗОВЫХ КОНЦЕПТАХ ДЕЛОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

*кандидат филологических наук, докторант кафедры общего языкознания
Адыгейского государственного университета, г. Майкоп*

ABOUT SOME BASIC CONCEPTS OF THE BUSINESS IMAGE OF THE WORLD

Shiryayeva Oksana Vitaliyevna, Candidate of Philology Sciences Post-graduate student in the General Linguistics Chair, Adygeya State University, Maikop

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется лексико-семантический и грамматический аспект репрезентации деловой картины мира в медиадискурсе. Предмет исследования – дискурс деловой прессы. Методологическая основа – когнитивная лингвистика. Автор приходит к выводам: при вербализации данного концепта используются количественная и квалификативная атрибуция, метафоризация; в концепте «проект» закодирован сегмент деловой картины мира, который связан с представлениями о коллективной деятельности, нацеленной на успешный результат.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, медиадискурс, деловая пресса, деловая картина мира, концепт, проект, метафоризация

ABSTRACT

In article the lexical, semantic also grammatical aspects of representation of a business image of the world in a media discourse is investigated. An object of research – a discourse of the business journalism. A methodological basis is cognitive linguistics. The author comes to conclusions: at verbalization of this concept the quantitative and qualificative attributions, a metaphorization are used; in a concept project is coded a segment of a business image of the world which is connected with ideas of the collective activity aimed at successful result.

Keywords: cognitive linguistics, media discourse, business journalism, business image of the world, concept, project, metaphorization

Медиадискурс является одним из значимых дискурсивных пространств в современном мире: в нем осуществляется вербализация базовых концептов массового сознания. В период 1990-2010 гг. в дискурсивном пространстве русского языка сформировалась и приобрела важную роль деловая кар-

тина мира – когнитивная модель реальности, семантическое ядро которой составляет концепт *дело*, отчасти коррелирующий с концептом *бизнес*, но охватывающий гораздо более широкое концептуальное поле. Деловая картина мира служит ментальным инструментом категоризации мира в определенном ценностном ключе. Ее ценностными

«ключами» являются рациональность, прагматизм, оптимизм, проектное мышление, экономический расчет, предприимчивость. Деловая картина мира репрезентирована на трех уровнях коммуникации: 1) профессиональном (бизнес-коммуникация); повседневном (обыденное общение участников бизнес-процессов); массмедийном (дискурс деловой прессы, дискурс радио и телевидения деловой тематики).

Объект нашего исследования – деловая картина мира и базовые концепты, ее репрезентирующие (в данной статье мы сосредоточим внимание на концепте «проект»). Предмет исследования – дискурс деловой прессы, в котором вербализуется деловая картина мира. В качестве материала исследования выбраны тексты актуальных и авторитетных изданий деловой прессы («Коммерсантъ», «Деньги», «Ведомости», «Эксперт»). Задачей статьи является анализ лексико-семантический и грамматических средств репрезентации деловой картины мира (на пример одного из базовых концептов – «проект»). Методологическая основа – понятия когнитивной лингвистики (концепт, картина мира, дискурс).

Деловая картина мира, центрирующая русское языковое сознание 1990-2010-х гг. на ценностях материального преуспевания и социальной успешности, категоризируется в ряде наиболее частотных ключевых слов, вербализующих базовые для данной модели действительности концепты: *власть, деньги, капитал, бизнес, рынок, эксперт, успех, потребление, выборы, кризис*. Концепт «проект» вбирает в себя семантические признаки концептосферы «дела», вербализуя одну из смысловых граней деловой картины мира. Рассмотрим семантику данного концепта в диахроническом и синхроническом аспектах, что позволит выявить динамику смыслообразования в дискурсивном пространстве языка.

Слово «проект» заимствовано русским языком в эпоху Петра I из немецкого языка: нем. *Projekt* восходит к лат. *proiectus* (или *proiectum*: «брошенный»). Причастие происходит от глагола *projicere* – бросать, выбрасывать вперед [2, с. 373]. В немецком *Projekt* доминирует архитектурно-строительная семантика. Однако в ходе развития

языка она расширяется, вбирая семантику «планирования», «разработки», «развития», «конструирования», «набрасывания», «эскиза». Ср. синонимы немецкого слова *projektieren*: *namечать, разрабатывать* (*konzipieren, ausarbeiten, erarbeiten*), *оформлять* (от англ. заимств. *design* – морфологически ассимилированное *designen* и *dessinieren*), *набрасывать* (калька с лат. – *entwerfen*), *развивать* (*entwickeln*), конструировать (*konstruieren*), планировать (*planen*), *набрасывать эскиз* (*skizzieren*). Все данные значения релевантны и для русского слова «проект» [4].

В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» (2003) слово «проект» представлено как синонимичное к словам «намерение», «умысел», «замысел», которые отражают ядро концепта: «мысль человека о том, что человек хочет делать, и готовность прилагать усилия, чтобы сделать это» [1, с. 857]. Слова «план» и «проект» занимают срединное положение между указанными лексемами со значениями «мысли» о задуманном деле и лексемой «прожект», выражающей ироничную коннотацию и заимствованной из французского языка. «Прожектер» в русском языке ассоциируется с фантазером, утопистом, с человеком, не способным воплотить «замысел», оставляющего его лишь в мыслях, устных речах или на бумаге (характерный лингвокультурный типаж, воплощающий прожектера – гоголевский Манилов).

Однако в русской деловой картине мира «проект» утратил негативную коннотацию. Проектное мышление, сохранив при этом и «строительную» семантику, стало означать комплекс мер по практической реализации, а не только планированию определенного делового замысла, будь то инвестиции, строительство, запуск бренда и пр. Контексты словоупотребления лексемы «проект» в изученных нами материалах деловых СМИ позволяют выявить следующие нюансы семантики концепта. Если предметная референция связана со сферой деятельности, в которой реализуется атрибутируемый проект (соответственно, встречаются определения: социальный, финансовый, строительный, образовательный и т.п.), то коннотации можно разделить на два типа.

Во-первых, это *количественная оценка*: измеряется в финансовых вложениях, затратах, инвестициях, дивидендах и имеет денежно-валютный эквивалент – в рублях / долларах; кроме того, учитывается временной фактор – длительность реализации проекта (темпоральный аспект семантики). Соответственно, в дискурсе деловой прессы встречаются такие лексико-семантические варианты: *дорогостоящий, затратный, высокозатратный, низкоприбыльный, прибыльный, выгодный, быстро окупающийся, экономичный* (проект); *проект стоимостью в ... (руб. / долл.), в проект вложено (инвестировано)...*, *проект принес доход в ...* и т.п. Темпоральная семантика вербализуется в прилагательных *долгосрочный, краткосрочный* и описывает длительность реализации проекта:

«Конечно, они сильны в инжиниринге, в управлении проектами, но наши подрядчики со временем смогут бурить не хуже», – уверен господин Выгон. "У нас есть технологии и компетенции, но в начальной стадии, – возражает чиновник правительства. – Придется учиться". Но, добавляет он, все проблемные проекты – долгосрочные, а продлятся ли долго санкции – еще неизвестно (Коммерсантъ. 1.08.2014).

Реальную же угрозу санкции представляют для финансирования долгосрочных проектов. Чем дольше они остаются в силе, тем больше вероятность, что компаниям придется пересматривать инвестиционные планы (Коммерсантъ. 24.09.2014).

Сегодня, приходя в Россию, каждый инвестор боится, что у него отнимут собственность. Отсюда уверенность, что здесь нельзя на долгосрочной основе развиваться, допустимы только краткосрочные проекты. Поэтому у нас больше портфельных инвесторов, чем стратегических. Сюда идут только те, кто рассчитывает на сумасшедшие прибыли, которые окупают высокие риски (Эксперт. 2.07.2012).

Во-вторых, это *кваликативная оценка*: положительная (*уникальный, амбициозный, грандиозный, многообещающий, перспективный*), отрицательная (*провальный, затратный, неэффективный*).

Актуализируются также значения, приписывающие проекту свойства процессуальности. «Проект» семантизируется одновременно как объект и

субъект действия (в последнем случае можно говорить об антропоморфизации, одушевлении).

Ср. например: (1) словосочетания с глаголом «финансировать (проект)» или отглагольным существительным «финансирование (проекта)» (проект как «объект») / (2) предикат «стартовал» в сочетании с субъектом «проект»:

(1)

В одном из последних планов спасения горнодобывающей компании была продажа РЖД железной дороги до Эльги. РЖД начала искать деньги для финансирования данного проекта, но пока вопрос не решен (Ведомости. 19.09.2014).

Теперь, говорят источники "Ъ", неизвестно, сможет ли ЕххонМобил привлечь средства для финансирования проектов в России, на которые должна потратить миллиарды долларов (Коммерсантъ. 24.09.2014).

(2)

В Нижнекамске стартовал проект строительства огромного нефтехимического комбината. (Эксперт. 12.10.2012).

В Новосибирске стартовал проект «Мама-предприниматель». Социальный проект для женщин «Мама-предприниматель» стартовал в Новосибирске во второй раз (Эксперт-Сибирь. 19.09.2014).

Объектная семантика имени часто вербализуется в таких глагольных словосочетаниях, как: *финансировать, запустить, заморозить, претворить в жизнь, дать жизнь, реализовать, осуществить, воплотить, раскрутить*. Субъектная семантика отображена в глагольных конструкциях *взять старт, стартовать* (разг.), *окупиться*. Таким образом, проект расценивается как некий производственно-финансовый цикл, комплекс действий, имеющий свои стадии развития. Данный спектр значений связан с метафоризацией, основанной на нескольких типах аналогий:

1) механической (ср.: *запустить* завод, машину, механизм, компьютер, антивирусную систему; *раскрутить* ч.-л.: гайку, диск, пластинку);

2) спортивной (*взять старт*: ср. бизнес-термин «старт-ап», происходящий из англ. start up);

3) органической (*заморозить, претворить в жизнь, дать жизнь*): семантика заморозки, т.е. приостановки жизнедеятельности, временной

«смерти» укоренилась в финансовом дискурсе (ср.: «заморозить» выплаты по вкладам, заморозить банковский счет).

По терминологии А.П. Чудинова, разрабатывающего когнитивную теорию метафоры, «сферой-источником» значений в указанных случаях являются техника (1), спорт (2), природа (3) [3, с. 203-218]. Апелляция к данным сферам-источникам характерна для категоризации в деловой картине мира: метафора выполняет роль когнитивной рамки, вписывающей бизнес-деятельность в привычные для сознания человека XX-XXI вв. представления. Природа – один из древнейших источников аналогий, спорт и техника – концептосферы новейшего времени, как нельзя лучше описывающие состязательный, конкурентный дух «человека экономического» (о понятии *homo economicus* см.: [5], [6]).

Семантика слаженного, скоординированного, партнерского процесса, в котором участвуют несколько субъектов, вербализуется в атрибутиве «совместный (с)»: при выходе из проекта одного партнера реализация коллективного процесса ставится под угрозу.

Например:

В следующем году Toyota начинает совместный проект каршеринга во французском Гренобле, туда мы собираемся поставить первую экспериментальную партию из 70 новых i-Road, — говорит Дидье Леруа, директор Toyota Motor Europe. (Эксперт. 12.04.2013).

ExxonMobile будет постепенно выходить из совместного с «Роснефтью» проекта по бурению на шельфе Карского моря. Но при этом останется в проекте «Сахалин-1» (Ведомости. 22.09.2014).

Caterpillar уже сорвала график подписания очередного соглашения для создания совместного предприятия (СП). По информации "Ъ", УВЗ уже подыскивает себе нового партнера для производства в Юго-Восточной Азии. <...> О том, что совместный проект подпавшего на прошлой неделе под санкции США УВЗ и Caterpillar по производству локомотивов «тормозится» и «может пострадать, если санкции будут продолжены», вчера сообщил гендиректор УВЗ Олег Сиенко. (Коммерсант. 24.07.2014).

Еще больше вопросов вызывают перспективы совместных проектов Роснефти и ее ключевого иностранного партнера американской ExxonMobile (Коммерсантъ. 24.09.2014).

В смыслообразовании концепта «проект» сохраняют значимость и семы «разработка», «планирование», «прогнозирование», которые вербализуются не только в соответствующей лексике, но и в грамматике будущего времени, а также в глаголах с семами намерения и долженствования. Ср.: *Для подтверждения квалификации участники должны представить копии госконтрактов на разработку организационно-правовых и финансовых моделей инвестпроектов комплексного преобразования территории (Ведомости. 31.03.2014).*

Итак, в концепте «проект» закодирован тот сегмент деловой картины мира, который связан с представлениями о коллективной планомерной деятельности, нацеленной на успешный результат. Вербализуется данный концепт в ряде лексических и грамматических средств, анализ которых осуществлен в статье.

Литература:

1. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Общ. рук. Ю.Д. Апресян. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. (Муза – Сят) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева / 2-е изд., стереотип. – М., 1987.
3. Чудинов А. П. Финансовая метафора в современных СМИ // Слово и ключевые смыслы в современных медиа-текстах. – Екатеринбург, 2004. – С. 203-218.
4. Duden Online // URL: <http://www.duden.de/woerterbuch>
5. Persky J. Retrospectives: The Ethology of Homo Economicus // The Journal of Economic Perspectives. Vol. 9, No. 2 (Spring, 1995). – Pp. 221 – 231.
6. Thaler H. Richard. From Homo Economicus to Homo Sapiens // Journal of Economic Perspectives. Vol. 14, Nu. 1 (Winter 2000). – Pp. 133–141.

Ширяева Оксана Витальевна

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РАМКАХ ДИСКУРСА ДЕЛОВОЙ ПРЕССЫ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОДЫ

*кандидат филологических наук, докторант кафедры общего языкознания
Адыгейского государственного университета, г. Майкоп*

*INFORMATION AND ANALYTICAL DISCOURSE WITHIN THE DISCOURSE OF THE BUSINESS JOURNALISM:
LINGUISTIC AND INTERDISCIPLINARY APPROACHES*

*Shiryayeva Oksana Vitaliyevna, Candidate of Philology Sciences, Post-graduate student in the General Linguistics
Chair, Adygeya State University, Maikop*

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются лингвистический и междисциплинарный аспекты информационно-аналитического медиадискурса. Данный дискурс рассматривается в рамках дискурса деловой прессы. Автор выявляет основные подходы к исследованию дискурса данного типа: журналистский, когнитивный, коммуникативный, лингвокультурологический. Медиадискурс изучается с точки зрения постулата когнитивной лингвистики: «мир не отображается, а интерпретируется». Делается вывод о формирующей и преобразующей роли масс-медиа в языковой концептуализации мира.

Ключевые слова: медиадискурс, деловая пресса, языковая концептуализация мира, виртуализация, медиакультура

ABSTRACT

In article linguistic and interdisciplinary aspects of an information-analytical media discourse are investigated. This discourse is considered within a discourse of the business press. The author reveals the main approaches to research of a discourse of this type: journalistic, cognitive, communicative, linguistic-cultural. The media discourse is studied from the point of view of a postulate of cognitive linguistics: «the world isn't displayed, and interpreted». The conclusion about the forming and reformative role of mass media in language conceptualization of the world is drawn.

Keywords: media discourse, business journalism, language conceptualization of the world, virtualization, media culture

Особенности порождения, функционирования и рецепции текстов СМИ – тема, вошедшая в разряд научно релевантных для лингвистики в период 1970 гг. Первые фундаментальные языковедческие исследования в этом направлении были связаны с развитием социо- и психолингвистики, функциональной стилистики и семиотики. При всей разности подходов, уже на начальной стадии внедрения языковедческих методов в анализ языка СМИ был очевиден прагматический ракурс – осознание тесной связи стилистики, синтаксиса, лексики прессы, радио, телевидения с синхронным уровнем экстралингвистической ситуации. За короткий по меркам академической науки период эта область обрела столь весомое влияние в гуманитаристике, разработала столь многоуровневый и сложный понятийный аппарат, что на современном

этапе созрела необходимость более точной самоидентификации отдельных областей исследования, а также их конвергенции.

Г.Н. Манаенко вводит понятие «ментальный лексикон» для синтетического исследования «проблемы соотношения языка и мышления, в частности, такого ее аспекта, как порождение и восприятие (понимание) речи. <...> Данная задача обусловлена современной переориентацией наук, так или иначе связанных с изучением языка и пользующегося им человека, на комплексный междисциплинарный подход, требующий сущностной реализации лишь декларируемого ранее тезиса о “человеческом факторе”» [9, с. 42].

В современных исследованиях языковая деятельность говорящей личности в СМИ трактуется как многофакторный феномен, прочно вписанный

в культуру, формирующий ее и одновременно подверженный влиянию национальных и мировых общественных процессов. В зависимости от акцентирования того или иного аспекта медиатекстов и медиадискурса в целом различаются и современные методики изучения предмета.

Дифференциация подходов к медиадискурсу в 2000-х гг. обусловила вычленение разновидностей массмедийного дискурса с точки зрения его типологической, жанровой, стилевой, коммуникативной природы. Одной из ведущих тенденций стало разграничение объектов исследования – медиатекста и медиадискурса (И.В. Анненкова [1], Г.Я. Солганик [10] Т.Г. Добросклонская [3], В.М. Гречихин [2] и др.).

Медиатекст понимается в современных исследованиях как цельный, законченный продукт речепроизводства с собственными медийно-типологическими, жанровыми, стилевыми и авторскими особенностями. Медиадискурс трактуется как совокупность однотипных медиатекстов с определенными медиатехнологическими, форматными, жанровыми и другими индивидуализирующими признаками, которые функционируют в присутствии социокультурном пространстве и погружены в интерактивный коммуникативный процесс. В свете обозначившейся понятийно-предметной дифференциации потребовалась детализация разновидностей медиадискурса, что повлекло за собой усиление интереса к отдельным медиадискурсам: новостному (информационному), аналитическому (или информационно-аналитическому), рекламному, интернет-дискурсу и его видам (блогосфера, чат-дискурс, дискурс социальных сетей).

«Медиатизация» является одной из влиятельных когнитивных и коммуникативных стратегий освоения мира современной языковой личностью ([4-5], [6]). Она формирует современную культуру как «медиакультуру» - тотально опосредованную технологическими, массово-информационными средствами картину мира [7]. В данной ситуации анализ реализации средств новой, медийной идентичности, приобретает не только лингвистическую, но и общегуманитарную значимость и актуальность. Осложняющим условием медиатизации является также такое современное явление, вы-

званное общественными и научно-технологическими изменениями, как «виртуализация» – «замещение реальных вещей и поступков образами-симуляциями» [6]. Несмотря на то, что феномен российской и зарубежной деловой прессы достаточно изучен в рамках теории и истории журналистики, лингвистический анализ и классификацию его стилистических и дискурсивных признаков ведется всего лишь последние 10-15 лет, открывая исследователю ряд потенциально наукоемких тем и аспектов.

В классической модели журналистики, сложившейся в XIX – первой половине XX вв. существовало четкое разделение на информационные и аналитические жанры. Задачей первых было сообщать новости, следуя критериям оперативности, актуальности, точности, достоверности, задачей вторых – анализировать и обобщать, прогнозировать и диагностировать явления социальной действительности. Постепенное расслоение читательской аудитории привело к дифференциации этих моделей, наделением их дополнительными функциями (например, развлечение, просвещение, потребительская навигация, реклама, профессиональное консультирование и аналитика). Одна из заметно развившихся ниш прессы в XX веке – аналитическая пресса различной специальной тематики (медицинская, научно-популярная, агрономическая, деловая, экономическая). Именно в этой нише постепенно реализовалась конвергенция информационного и аналитического компонентов медиадискурса: новостные сообщения «обросли» комментариями экспертов, а аналитические жанры (корреспонденция, проблемная статья, аналитическое интервью, аналитический обзор, журналистское расследование и др.) предстали тесно связанными с оперативными событиями – сводками курсов акций, перестановками в руководстве компаний, скачками валют и пр. Так возник гибридный тип медиадискурса – *информационно-аналитический*.

В постсоветской России данный тип дискурса наиболее последовательно функционирует в нише деловой прессы. Формирование данного сегмента прессы оказалось возможным в условиях развития капиталистической модели общества. В 1990-2010 гг. определились лидеры деловой прессы, позиционирующие себя как СМИ о бизнесе

для аудитории, представленной бизнес-сообществом: газета «Коммерсантъ», журналы «Деньги», «Власть» (издательский дом «Коммерсантъ»), газеты «Ведомости», «РБК daily», журнал «Эксперт», «D'». Материалы перечисленных изданий составляют тот обширный и относительно монолитный корпус медиатекстов, которые формируют современный русский деловой медиадискурс.

Информационно-аналитический медиадискурс совмещает две коммуникативно-дискурсивные стратегии: стратегию научного дискурса как объективного препарирования явлений и публицистическую стратегию как повышенно-оценочную. Их синтез и конвергенция осуществляются в пространстве имплицитной оценочности, элиминирующей персонально-авторскую эмотивность, в то время как эксплицитная оценочность выносится в композиционно и коммуникативно «сильные» места текста (рамочные компоненты: заголовок, лид, названия рубрик статьи, концовка), модальные слова, отдельные стилистические фигуры речи (метафора, метонимия, ирония).

Таким образом, информационно-аналитический медиадискурс в составе дискурса прессы – это публичный социальный дискурс, имеющий коммуникативную интенцию диагностики – анализа – прогнозирования общественных явлений, которая реализуется в процедуре идеологической и предметно специализированной (экономической, политической, культурологической) оценки, при этом субъективность языковой личности автора существенно редуцирована за счет выдвигания на первый план субъективности коллективного носителя идеологии – формата и редакции издания.

Семантическая природа информационно-аналитического дискурса формируется установкой на моделирование комплексного, аргументированного суждения о предмете, элиминирование определенных «фоновых» (эмоциональных, нерегулярных, случайных) знаний. Прагматическая задача информационно-аналитического медиадискурса состоит в создании определенной модели анализируемого и интерпретируемого социального, экономического, политического или культурного явления. Моделирование это осуществляется на уровне

языка и сознания в их неразрывной связи и практически выражается в особом построении информационно-аналитического медиатекста.

Прагматика и семантика информационно-аналитического медиадискурса основана на конвергенции с профессиональным и научным дискурсом. Тематический репертуар информационно-аналитического дискурса деловой прессы представлен комплексом макротем, формирующих вокруг себя микротемы как их детализацию и дифференциацию по ряду семантических критериев: геополитический, исторический, экономический, идеологический. Средствами выражения оценки в информационно-аналитическом медиадискурсе являются грамматические средства языка, модальные (дискурсивные слова), фигуры речи, коммуникативно «сильные» позиции текста, метафоризация. Характерной чертой данного типа дискурса является редукция субъективной эмоционально-окрашенной модальности. Коммуникативно-прагматические условия функционирования современного информационно-аналитического медиадискурса осложнены и мотивированы диверсификацией технологических каналов (оффлайн / онлайн), усиливающейся креолизацией текста, моделированием гипертекстовых связей материалов, презентovaných онлайн.

Итак, подводя итог, можно заключить, что функционирование СМИ в современной лингвокультуре, вбирающее языковые и поведенческо-речевые изменения, наиболее очевидно демонстрирует необходимость использования междисциплинарного подхода. При этом медиадискурс должен рассматриваться в рамках ведущего постулата когнитивной лингвистики, согласно которому «мир не отображается, а интерпретируется». Масс-медиа играют формирующую и преобразующую социально-речевую роль в языковой концептуализации мира.

Литература:

1. Анненкова И.В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. – М.: Изд-во Моск. ун-та; Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011.

2. Гречихин М.В. Современный русский медиа-дискурс: язык интолерантности (на материале языка современных российских СМИ): дис. ... канд. филол. н. – Белгород, 2008.
3. Добросклонская Т.Г. Теория и методы медиа-лингвистики: дис. ... докт. филол. наук. - М., 2000.
4. Землянова Л.М. Медиатизация культуры и компаративизм в современной компаративистике // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2002. - № 5. – С. 83-97.
5. Землянова Л.М. Методологические приоритеты коммуникативистики и их модернизация в новом столетии // Вестник МГУ. – Сер. 10. Журналистика. – 2008. - № 10. – С. 96-115.
6. Иванов Д.И. Виртуализация общества. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
7. Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. – М.: Академический проект, 2006.
8. Кириллова Н.Б. Медиасреда российской модернизации. – М.: Академический проект, 2005.
9. Манаенко Г.Н. Информационно-дискурсивный подход к анализу осложненного предложения. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2006.
10. Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиа́текст» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2005. - № 2. – С. 7-15.

Тамбовцева Н.К.

РОЛЬ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ В ОБУЧЕНИИ УСТНОМУ ПЕРЕВОДУ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ»

кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой иностранных языков и общественных коммуникаций Челябинского филиала Университета Российской академии образования, г. Челябинск

BACKGROUND KNOWLEDGE AND ITS ROLE IN TEACHING INTERPRETATION TO THE STUDENTS MAJORING IN “TRANSLATION AND INTERPRETATION STUDIES”

Tambovtseva Natalia, Candidate of Pedagogical Science, Head of the foreign languages and public relations department, The University of the Russian Academy of Education, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является определение роли фоновых знаний в обучении устному переводу студентов специальности «Перевод и переводоведение». Рассматриваются три уровня фоновых знаний, позволяющих будущим переводчикам овладеть необходимой профессиональной компетенцией.

ABSTRACT

The article deals with the role of the background knowledge for the students majoring in “Translation and interpretation studies”. The three levels of the background knowledge essential for the professional competence of future interpreters are under consideration.

Ключевые слова: Устный перевод, профессиональная компетенция, фоновые знания, имплицитный смысл.

Key words: Interpreting, professional competence, background knowledge, implicit meaning.

Когнитивно-деятельностный подход в обучении устному переводу предполагает включение студентов не только в процесс перевода, но и в познавательную деятельность по переработке информации. Среди прочих компетенций, закреплен-

ных в ФГОС ВПО, которыми должен обладать будущий переводчик, выделяется следующая: «способность применять знания в области географии, истории, политической, экономической, социальной и культурной жизни страны изучаемого языка, а также знания о роли страны изучаемого языка в

региональных и глобальных политических процессах»[3].

Изучение специфики устного перевода осуществляется по следующим основным направлениям. Первый аспект занимается факторами, влияющими на извлечение переводчиком информации, содержащейся в оригинале. При осуществлении последовательного устного перевода восприятие устной речи отличается кратковременностью, одноразовостью и дискретностью, в связи с чем извлечение информации в процессе перевода осуществляется иначе, чем при зрительном восприятии текста. Полнота понимания зависит от ритма, количества и продолжительности пауз, и темпа речи. Информация извлекается переводчиком в виде отдельных порций по мере развертывания цепочки языковых единиц в речи оратора, а восприятие осуществляется на основе «смысловых опорных пунктов». Переводчик прогнозирует последующее содержание текста на основе уже воспринятых фрагментов информации, уточняя свой прогноз в процессе дальнейшего восприятия, что предполагает накопление и удержание в памяти предыдущей информации. Учитывая психолингвистические особенности деятельности переводчика при восприятии на слух значительных отрезков речи, приходится утверждать, что неизбежна потеря части информации, ее видоизменение и замещение. Поэтому при обучении данному аспекту устного перевода, перед преподавателем стоит задача научить студентов приемам, компенсирующим такие потери: а, именно, фоновые знания, детальное знание предмета обсуждения, интонация и эмоциональная окраска речи говорящего, обстановка речи и другие, которые позволяют догадываться о содержании пропущенного[2].

Следовательно, задача переводчика как посредника межъязыкового и межкультурного общения состоит не просто в передаче основной идеи высказывания, а в ее интерпретации с проникновением в глубинный смысл слова. Интерпретация представляет собой «процесс конкретизации, пополнения, а иногда большего или меньшего переосмысления семантических значений на базе лингвистического и ситуативного контекста, а также заранее известной интерпретатору информации (преинформации)»[1]. Соответственно большую роль в этом процессе играет опора на «предпонимание» и умение понимать имплицитный смысл

высказывания. «Предпонимание» - это опора на традицию, на коллективный и собственный опыт. У переводчика такое «предпонимание» должно базироваться на знании культуры страны изучаемого языка и способов проявления национально-культурной специфики в языке. Под имплицитным смыслом понимается часть интегрированного смысла, не нашедшая выражения с помощью формальных языковых средств. Более того, зачастую полноценным переводом не признается тот, когда переводчик для своей деятельности не обращается к действительности, референту, смыслу. Если же переводчик понимает, что переводит, то есть соотносит свой анализ и синтез с реальной действительностью, то это уже интерпретационный, творческий перевод.

Обеспечению всестороннего «переводческого» понимания исходного сообщения во многом может способствовать наличие у переводчика фоновых знаний. Это означает, что процесс обучения переводу должен включать речемыслительные задания разного уровня сложности и проблемности. Интеграция проблемного подхода к обучению переводчиков способствует их готовности к овладению фоновыми знаниями и как следствие развивает самостоятельность в принятии переводческих решений, позволяет выполнять высококачественный перевод и эффективно осуществлять деятельность в сложных условиях тематического многообразия.

Решение этих задач способствует развитию интеллекта, творческих познавательных способностей обучаемых в процессе решения проблемно-коммуникативных и познавательных задач в ходе осуществления перевода. Фактически происходит накопление так называемых фоновых знаний, которые являются ключевым компонентом понимания того, что переводчик читает или воспринимает на слух, а затем переводит. Фоновые знания предваряют представления о предмете перевода и помогают получить о нём новую информацию.

Фоновые знания могут быть представлены разными уровнями:

1) уровень историко-культурной информированности включает сведения об этапах исторического развития страны и общества, их культуре. В ходе устного последовательного перевода, часто возникают ссылки на исторических личностей, выдающихся деятелей в различных областях знаний

или намеки на яркие события и существующие реалии. Чтобы переводчик смог почувствовать эти аллюзии и донести их смысл и дух до иноязычной или, наоборот, русскоязычной аудитории, требуется незаурядная эрудиция.

2) уровень социокультурной информированности включает сведения о взаимоотношениях в обществе, нормах общения, ценностных ориентирах, этикетных норм поведения, языке жестов. Эти сведения содержат социокультурные знания в области общения специалистов, как в иноязычном, так и в российском обществе. Социокультурный уровень предполагает овладение переводчиком лингвистические знания реалий, культуры, социальных норм общения в различных сферах деятельности, готовность применять переводческие приемы и выстраивать коммуникативные стратегии с учетом традиций поведения, принятых в культурах исходного языка и языка перевода.

3) уровень этнокультурной информированности включает сведения о традициях, особенностях повседневной жизни, быте, национальных праздниках, формах проведения досуга, особенностях национальной кухни.

Таким образом, одним из важных аспектов устного перевода является овладение особенностями экстралингвистического характера. Качество перевода в значительной степени зависит от личности переводчика. Устный переводчик выступает как культурный посредник. Для того чтобы

быть таковым, необходима открытость всему новому, желание познавать, умение учиться. Интеллектуальная подвижность и быстрота реакции – это те качества, которые могут стать основой для развития профессиональных компетенций устного переводчика.

Литература:

1. **Латышев Л. К.** Технология перевода: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. – 3-изд., стер. - М.: Издательский центр «Академия», - 2007. – 320 с.
2. **Тамбовцева Н.К.** Некоторые аспекты преподавания основ устного перевода студентам специальности «Перевод и переводоведение» / Н.К. Тамбовцева // Профессиональный проект: идеи-технологии-результаты: науч. журнал. – Москва – Челябинск: АОН НОЦ «Со-Действие», 2013. - № 4 (13). – С.115-118.
3. Федеральный Государственный образовательный стандарт Высшего Профессионального Образования по специальности 035701 «Перевод и переводоведение».
4. **Цеунов К.С.** Проблема понимания и компетенции в процессе межкультурной коммуникации / К.С. Цеунов // Личность и общество: проблемы взаимодействия: Материалы Международной научной конференции (19 апреля 2012). - Челябинск, 2012. – С. 182-185.

Цариненко Т.А.¹, Данцева А.В.², Ростова М.Л.³

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ФОРМА ОТРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ОПЫТА

¹студентка, ЛПИ – филиал СФУ, г. Лесосибирск;

²студентка, ЛПИ – филиал СФУ, г.Лесосибирск;

³ старший преподаватель, ЛПИ – филиал СФУ, г. Лесосибирск

Phraseological units as forms of reflection of national experiences

Tsarinenko Tatiana, a student, Lesosibirsk Pedagogical Institute – the branch of Siberian Federal University

Dantseva Anastasia, a student, Lesosibirsk Pedagogical Institute – the branch of Siberian Federal University

Rostova Marina, a senior lecturer, Lesosibirsk Pedagogical Institute – the branch of Siberian Federal University

АННОТАЦИЯ

В данной статье авторы рассматривают фразеологические единицы английского языка точки зрения отражения в них национального опыта, так как во фразеологизмах находит отражение история народа, своеобразие его культуры и быта.

ABSTRACT

In this article the authors study the phraseological units of the English language from the standpoint of reflection of national experience, as in the idioms the history of the people and their unique culture and life are reflected.

Ключевые слова: фразеологическая единица, национальный опыт, культурный опыт.

Keywords: phraseological unit, national experience, cultural experience.

Функциональный аспект взаимосвязи специфики национальной культуры и фразеологии является одним из наиболее актуальных проблем фразеологических исследований. Еще В. Гумбольдт указывал на связь языка и национальной культуры: «Язык нечто большее, нежели инстинкт интеллекта, ибо в нем сосредоточивается не свершение духовной жизни, а сама жизнь» [1, с. 365].

Фразеология, которая, по словам Л. И. Ройзензона, является наиболее самобытным, сложным и компликативным явлением из всех творений языкового гения человека [7, с. 116], в большей степени по сравнению с другими пластами лексики отражает своеобразие миропредставления через призму языка и национальной культуры, поскольку единицы фразеологии являются знаками не первичной номинации, т. е. прямого называния объектов, а вторично номинируют действительность, переосмысливая ее.

В. А. Маслова также указывает на тесную связь фразеологических единиц с фоновыми знаниями носителя языка, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. По ее мнению, фразеологические сочетания приписывают объектам признаки, которые ассоциируются с определенной картиной мира, выражают свое отношение к ним и дают им свою оценку [4].

Аналогичной точки зрения придерживается и А. В. Кунин, который считает, что «фразеология – это сокровищница языка. Во фразеологизмах находит отражение история народа, своеобразие его культуры и быта. Фразеологизмы часто носят ярко национальный характер» [2, с.6].

Национальный опыт – это некая совокупность всех исторических, политических, социальных и культурных процессов определенного народа в его историческом прошлом, которые непосредственно повлияли на его настоящее, на мировоззрение народа, на его быт.

Культурный опыт – это те нормы, ценности, установки, образцы поведения, способы деятельности (причем слово «деятельность» здесь нужно понимать в самом широком смысле, как любую форму материального и духовного освоения человеком мира), которые специфичны для данной социокультурной общности. Они формируются в ходе исторического развития социокультурной общности и приобретаются личностью в ходе ее развития и становления [5].

Сведения об опыте освоения человеком действительности фиксируются в исследуемых нами фразеологических единицах. Наша цель – проследить, каким образом в их семантической структуре отражается специфика культуры народа, особенности его исторического развития, социально-экономическое устройство и господствующая в обществе идеология. В рамках данной статьи будет изложена лишь часть наших исследований.

Англия – остров-государство, находящееся в западной части Европы, столица которого – Лондон, является центром экономического и торгового развития Западной Европы. Англия является одним из тех государств, которое издавна соединяло морские пути от Америки к Европе. Англия обладает неким шармом, четко описывающим характер ее населения, ее города, а также ее историю. Англичане отличаются от остальных европейцев своими специфическими качествами.

В Англии в течение многих веков монархия была главной и единственной формой правления. Монархия в Англии сегодня – это не только красивая декорация. Королева – глава англиканской церкви, а значит, хранительница нравственных устоев общества, ей дают присягу молодые новобранцы, она царствует, даже если и не управляет. Гимн страны по-прежнему «Боже, храни королеву». Официально в Англии нет «граждан» страны, а есть «подданные». В монархии видят основу будущего процветания страны английские

националисты, ей симпатизируют, как показал юбилей королевы, самые широкие слои английского общества [6, с.27].

При изучении фразеологических единиц, относящихся к теме «монарх и монархия», мы отмечаем преобладание позитивных коннотаций, положительных оттенков у языковых единиц:

The king can do no wrong – 1) король не несет ответственности за политику кабинета при конституционной монархии; 2) «короли не ошибаются»;

The King's word is more than another man's oath – слово короля больше, чем клятва простого человека;

The faith's Defender – защитник веры (король);

Погода действительно является национальной слабостью англичан. Все шутки и насмешки, которым они за это подвергаются, совершенно справедливы. Любой английский разговор крутится вокруг этой темы, даже полуофициальные письма из организаций содержат упоминания о хорошей или плохой погоде.

Погода для англичан остается источником постоянного удивления, откровенной тревоги и тайного восхищения, и вся страна играет в одну и ту же игру: «кто бы мог подумать!». И это также находит отражение в языке:

King's (Queen's or royal) weather – чудесная погода;

Make bad (good) weather – плохо выдерживать шторм;

Make fair weather to – стараться снискать чье-либо расположение лестью или притворной дружбы;

Under weather – 1) нездоровый, больной, плохо себя чувствующий; 2) в затрудненном положении, в беде.

Один из сложнейших вопросов английской жизни – о месте, которое занимает в ней религия. Известно, что даже церковь в Англии своя собственная, англиканская, независимая ни от кого извне, и хотя считается, что введена она была Генрихом VIII для того, чтобы иметь возможность жениться столько раз, сколько ему захочется, очевидно, что по своему духу и характеру она оказалась близкой и понятной населению.

От самих англичан сегодня нередко можно услышать, что церковь не играет большой роли в их жизни. И внешне это действительно так: редко, только на праздники, да и то в провинции, собирается в церкви сколько-нибудь заметное число народа. Однако, вот парадокс: принципы, по которым живут англичане (жизнь не для удовольствия, трудности телесные укрепляют душу, еда не должна занимать слишком много места в жизни, а лишь насыщать и т.д.), – как раз те, к которым призывают свою паству большинство церквей [6, с.38].

В Англии действительно не принято демонстрировать свою религиозность, впрочем, как и чувства вообще. И не потому, что ее скрывают, нет, просто живут по определенным правилам, уже не задумываясь об их истоках.

Классическая английская деревня непременно имеет церковь в центре, вокруг нее сосредотачивается важнейшая общественная деятельность, особенно в тех случаях и для тех людей – женщин, стариков, детей, – когда вопрос не может быть решен в другой непеременимой составляющей английской жизни – пабе. Викарий не воспринимается окружающими как пастырь или наставник, скорее как друг, который пользуется уважением, от которого ждут активности, роль которого – не напоминать окружающим о том, как надо жить, а просто быть готовым помочь, когда это нужно [6, с.41].

Неудивительно, что в сокровищнице английских фразеологизмов так много выражений, связанных с религией и церковью:

A God from the machine – неожиданная благополучная развязка;

God is always on the side of big battalions – бог всегда на стороне сильных;

God sends meat and the devil sends cooks – бог послал людям пищу, а дьявол – поваров т.е. бог посылает блага, а люди делят их несправедлив;

And the devil knows what (when, who etc.) – черт его знает что (когда, кто и т.д.);

Better the devil you know than the devil you don't know – лучше известное зло, чем неизвестное; из двух зол выбирай меньшее;

Between the devil and the deep (blue) sea – между дьяволом и морской пучиной, т.е. безвыходном положении; между двух огней, между молотом и наковальней;

Blue devils – 1) уныние, тоска, меланхолия, хандра; 2) белая горячка;

The devil finds work for idle hands to do – дьявол найдет работу для праздных рук; лень мать всех пороков;

The devil is good when he is pleased – черт бывает добр, когда он доволен;

It is easier to raise the devil than to lay him – легче вызвать черта, чем с ним справляться т. е. легче попасть в беду, чем выпутаться из нее;

Serve the devil for God's sake – служить дьяволу, прикрываясь именем бога т. е. дурно поступать прикрываясь добрыми намерениями;

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет утверждать, что фразеологические единицы отражают национальный опыт, т. к. фразеологизмы возникают в различных языках на основе тех образных представлениях действительности, которые отображают весь духовный, исторический, жизненный и культурный опыт языкового коллектива. Этот опыт обусловлен культурными традициями языкового общества, поскольку субъект данного языкового коллектива – это всегда субъект национальной культуры (8, с.214).

Список литературы:

1. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
2. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Уч. пос. для ин-тов и фак. иностр. яз.– Дубна: Феникс, 2005.
3. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.,1984
4. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.
5. Национальная энциклопедическая служба. Режим доступа: <http://www.term.ru/dictionary/858/word/kulturnyi-opyt>
6. Павловкая А. В. Англия и англичане. М.:Издательство МГУ, Памятники исторической мысли, 2005.
7. Ройзензон Л. И. Русская фразеология. Самарканд: Сам. ГУ, 1977.
8. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

Верхотурова Т.Л.¹, Холдеева Е.Ю.²

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПЕРЦЕПТИВНЫХ СОБЫТИЙ: НАБЛЮДАТЕЛЬ И НАБЛЮДАЕМОЕ

¹доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии ФГБОУ ВПО «ИГЛУ», г. Иркутск;

²аспирант кафедры английского филологии ФГБОУ ВПО «ИГЛУ», г. Иркутск

PERCEPTION EVENTS CATEGORIZATION: THE OBSERVER AND THE OBSERVED

Verkhoturova Tatyana, Doctor of Philology, professor of Irkutsk State Linguistic University, Irkutsk
Kholdeyeva Ekaterina, post-graduate student of Irkutsk State Linguistic University, Irkutsk

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ фразового глагола *show up* с перцептивным компонентом в семантике. Анализ осуществлен с учетом факторов Наблюдателя и Наблюдаемого.

ABSTRACT

The article presents an analysis of the phrasal verb *show up* incorporating in its semantics the component «perception». The analysis is carried out by considering the factors of the Observer and the Observed.

Ключевые слова: Наблюдатель; субъект; Наблюдаемое; объект; восприятие; событие; актант; лексико-семантический вариант.

Key-words: the Observer; subject; the Observed; object; perception; event; actant; lexico-semantic variant.

При анализе отдельного значения полисемантического слова традиционная семасиология опирается на наблюдаемые факты наличия различных лексико-семантических вариантов (ЛСВ) в различных контекстах и, соответственно, их фиксацию словарями [2, с. 149]. Нас интересуют предикаты перцептивных событий в английском языке, а именно фразовый глагол *show up*, который имеет в своей семантике перцептивный компонент – «if something shows up or if something shows it up, it can be clearly seen or noticed» [АВВУУ].

Перцептивные (когнитивные) аспекты глагольной семантики описаны с помощью одного из центральных понятий когнитивно-семантических исследований – метакатегории «наблюдатель» [3]. Это понятие относится к ряду универсальных аналитических инструментов, с помощью которых описывается и объясняется широкий круг проблем, имеющих отношение к морфологическому, лексическому, синтаксическому и текстовому уровню языковых исследований. Так, Е. В. Падучева считает, что фигура Наблюдателя является одним из самых «увлекательных понятий» в метаязыке современных семантических исследований [6, с. 185]. Известно, что целые семантические классы слов проявляют чувствительность к Наблюдателю, обнаруживаемую при рассмотрении самых различных контекстов их употребления. Традиция отношения к этой фигуре в языкознании основывалась на ее скрытом, имплицитном присутствии в семантике отдельных слов, групп слов и даже целых классов слов. Так, в работах Ю. Д. Апресяна Наблюдатель терминологически определяется как «фиктивный актанта», не имеющий синтаксического выражения [1].

В словарях дается несколько вариантов перевода глагола *show up* на русский язык – *показаться, появиться, обнаружить(ся)* и т. д. В русском языке эти глаголы были отнесены Е.В. Падучевой к классу глаголов восприятия. Анализируя их значение и употребление, Е.В. Падучева пишет о главном фигуранте ситуации (процесса, акта) восприятия – воспринимающем субъекте (субъекте восприятия, Эксперименте), который становится Наблюдателем, когда лишается синтаксически выраженной позиции, т.е. «уходит За кадр» и получает чисто дейктическую контекстную функцию. Однако Е.В. Падучева усматривает определенную

семантическую дифференциацию Наблюдателей в зависимости от семантики глаголов [6, с. 237]. Таким образом, традиционно, Наблюдатель как аналитический инструмент опирается на идею фиктивного актанта в терминах Ю. Д. Апресяна и «наблюдателя За кадром» – синтаксически невыразимого наблюдателя в терминах Е. В. Падучевой и Г. И. Кустовой (см. напр.: [5; 6]). Но и в таком «фиктивном» варианте лингвистического осмысления категория Наблюдатель оказывает существенное влияние на интерпретацию предложения/высказывания и на его построение, «запрещающая» или «разрешающая» определенный лексический и синтаксический контекст.

Цель данной статьи – продемонстрировать наличие некоторых ЛСВ у глагола *show up*, реализующихся в высказываниях с весьма различной семантикой, зависящей от специфики фигуры Наблюдателя и особенностей Наблюдаемого.

Рассмотрим различные типы перцептивных событий, описываемых глаголом *show up*, и проанализируем Наблюдателя, который обнаруживается в семантике выявленных ЛСВ данного глагола:

- (1) *He always shows up in a fancy car* [АВВУУ].
- (2) *The following morning six of the travelling journalists showed up innocently for breakfast in Chicago wanting to know where everyone had gone* [BNC].
- (3) *After checking into a \$25,000 a night Sky Villa at the Palms Casino Resort, the singer showed up for rehearsals three and a half hours late, carrying two empty margarita glasses. «She was unapologetic» says an observer* [COCA].
- (4) *He showed up late for his own wedding* [АВВУУ].

Эта группа примеров раскрывает следующее значение *show up* – «to arrive, especially at the place where someone is waiting for you» [LDCE]; «arrive or turn up for an **appointment** or **gathering**» [АВВУУ]. В данном ЛСВ предикат *show up* категоризует перцептивное событие, а именно появление одушевленного субъекта (Наблюдаемое) в перцептивном пространстве Наблюдателя (Наблюдателей). В этом значении *show up* является непереходным и образует высказывания с синтаксически невыразимым Наблюдателем. Однако словарные толкования обнаруживают его обязательное наличие

(выделено жирным шрифтом) при категоризации таких событий. Причем в качестве Наблюдателя чаще всего, как свидетельствуют примеры, предполагается группа людей (ср., *gathering* – «a group of people meeting together for a particular purpose» [АВВУУ]). Коллективный Наблюдатель может получить специфическое выражение в роли некоего квазилोकатива – в предложных адвербиальных группах, включающих некий симбиоз Места и Наблюдателя: типа *for breakfast* в примере (2), *for rehearsals* в примере (3), *for his own wedding* в примере (4). Они отвечают на вопрос «где?», но смысл в таких высказываниях не в Месте, а в Наблюдателе (Наблюдателях), поэтому невозможны высказывания типа – **He showed up in an empty house* [4, с. 165].

Интересно, что данный ЛСВ употребляется типично в контексте некоторой отрицательной оценки. Пример (1) указывает на цель, выходящую за пределы простого прибытия Наблюдаемого в определенное место, зафиксированного Наблюдателем. Объект восприятия (Наблюдаемое) хочет произвести впечатление на публику – покрасоваться, показать всем, появляясь только на дорогом автомобиле, что он живет в достатке. Пример (2) иллюстрирует не только зафиксированное появление журналистов за завтраком, но и интерпретацию и оценку Наблюдателя относительно цели этого появления. Из контекста высказывания очевидно, что появление журналистов нежеланно. На самом деле основная цель появления журналистов на публике – не позавтракать, а вывести все обо всех. Появление на репетиции певицы Бритни Спирс в примере (3) с пустыми стаканами из-под алкоголя с опозданием более чем на три часа вызывает критическое, негативное отношение со стороны Наблюдателей. Особенно вызывает негодование то, что она не чувствовала своей вины и считает такое поведение нормальным.

Рассмотрим семантику следующих высказываний, организованных еще одним ЛСВ глагола *show up*:

- (5) *Her wrinkles **showed up** in the strong light* [Hornby].

- (6) *In this sunlight the dilapidation **showed up** clearly, and the mess of the garden* [BNC].
 (7) *His face was red with exertion and spider veins **showed up** on his nose and face in thin red lines* [COCA].
 (8) *Even if you don't have dandruff on your scalp, it can **show up** on the oilier skin on your forehead, between your eyebrows, and in the creases beside your nose* [COCA].

В словарных дефинициях, раскрывающих значение *show up* в подобных высказываниях, также отражается перцептивная составляющая: «be **visible**, be obvious, be **seen**, be **revealed**» [АВВУУ]. В русском языке подобные ситуации описываются выражениями *стать заметным, проявиться*. В примерах речь идет о появлении объекта в поле зрения Наблюдателя, поэтому Наблюдаемым (в высказываниях это – подлежащее) в подобных перцептивных событиях является не просто зрительно наблюдаемые объекты, но и само событие появления этого объекта, т.е. в фокусе также как и в случае вышеописанного ЛСВ оказывается динамический аспект восприятия. Объект восприятия (Наблюдаемое) может постепенно/внезапно проявиться в поле зрения Наблюдателя по самым разным причинам. Так в примерах (5) и (6) Наблюдаемое – морщины на лице и ветхость здания – оказывается в поле зрения Наблюдателя, потому что на него попадает свет¹. Отсутствие синтаксической позиции для Наблюдателя обозначает взгляд со стороны как таковой, либо возможность восприятия события любым Наблюдателем. В таких предложениях не бывает и квазилोकатива, который выполнял бы функцию хотя бы относительной конкретизации Наблюдателя (Наблюдателей). Локатив в подобных высказываниях (если таковой имеется) тесно связан с объектом восприятия, как в примерах (7) и (8), где локализаторы *on his nose and face* и *on the oilier skin on your forehead...* представляют собой фоновую часть Наблюдаемого.

Итак, в основе категоризации перцептивных событий предикатом *show up* лежит когнитивно-перцептивное взаимодействие Наблюдателя и Наблюдаемого. Объект восприятия (Наблюдаемое)

¹ Свет вообще является важным участником у глаголов со значением зрительного восприятия (ср.: *The light*

shows up the dust on the legs of the easy chair [COCA]) [7, с. 238].

появляется (обнаруживается) в перцептивном пространстве субъекта восприятия (Наблюдателя), порождая тем самым некоторое событие. Интерпретация этого события зависит от типа Наблюдателя и Наблюдаемого, от типа пространства и локализаторов. Различия в категоризации перцептивных событий влекут за собой семантико-синтаксические различия высказываний, организуемых различными ЛСВ этого глагола. Глагол *show up* хорошо иллюстрируют тотальную антропоцентричность языка. Краткая характеристика предиката перцептивных событий указывает на необходимость учета метапонятия Наблюдатель в процессе когнитивного моделирования самых различных типов перцептивных событий. Именно концепты Наблюдателя и Наблюдаемого являются источниками концептуально-семантической деривации и создают предпосылки для формулирования продуктивных моделей такой деривации.

Литература:

1. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). – М.: Изд-во «Наука», 1974. – 367с.
2. Архипов, И.К. Язык и языковая личность. – СПб.: ООО «Книжный дом», 2008. – 248 с.
3. Верхотурова, Т.Л. Фактор наблюдателя в языке науки : монография. – Иркутск: ИГЛУ, 2008. – 289с.

4. Верхотурова, Т.Л. Фактор Наблюдателя в значении слова и предложения // Слово в предложении: кол. монография / под ред. Л.М. Ковалевой (отв. ред.), С.Ю. Богдановой, Т.И. Семеновой. – Иркутск: ИГЛУ, 2010. – С. 148-169.
5. Кустова, Г.И. Типы производных значений и механизмы семантической деривации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2001.
6. Падучева, Е.В. Наблюдатель как Экспертиент «За кадром» // Слово в тексте и словаре. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 185-201.
7. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
8. АBBYY Lingvo x3. Английская версия [Электронный ресурс]. – М., 2008. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
9. BNC – British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения : 21.09.2014 и 22.09.2014).
10. COCA – Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://corpus.bu.edu/coca/> (дата обращения : 22.09.2014 и 23.09.2014).
11. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. – Harlow : Longman, 2000. – 1668 p.

Жумаева О.А.

ДИСКУРСИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

аспирант Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

DISCOURSE ORGANISATION OF SCIENTIFIC JOURNALISTIC ARTICLE (AS EXEMPLIFIED BY THE ENGLISH AND THE RUSSIAN LANGUAGES)

Zhumaeva Olga, A PhD-student of Saratov State University

АННОТАЦИЯ

В данной статье мы исследуем жанр англоязычной и русскоязычной научно-публицистической статьи через призму трёх факторов, влияющих на синтаксическую организацию их дискурса: формата дискурса, фактора адресата и формы речи. В зависимости от данных факторов выявляем соотношение категорий и единиц дискурс-анализа в исследуемом жанре дискурса.

ABSTRACT

In this article discourse organization of the English and the Russian scientific journalistic article is studied in the light of three factors: discourse format, type of addressee and form of speech. Attention is focused on categories and units of the discourse-analysis depending on the three factors.

Ключевые слова: дискурс, дискурс-анализ, фактор, научно-публицистическая статья.

Key words: discourse, discourse-analysis, factor, scientific journalistic article.

Статья представляет собой коммуникативное событие, выдержанное в рамках институционального дискурса, то есть «специализированной клишированной разновидности общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [6, с. 245]. Одной из разновидностей институционального дискурса является научный дискурс. В зависимости от характера адресата и степени специализации научного дискурса можно выделить несколько его разновидностей: собственно научную, научно-учебную, научно-информативную, научно-популярную и др. [9, с. 17; 1, с. 57-58].

Для конкретизации типа дискурса воспользуемся вместо традиционных в русистике терминов «функциональный стиль» [7, с. 84] и «функциональная разновидность языка» [16, с. 17], термином «формат дискурса» [6, с. 246], поскольку за основу нами взят дискурсивный подход [4, с. 147]. Под форматом дискурса, вслед за В. И. Карасиком, понимаем разновидность дискурса, выделяемую на основе коммуникативной дистанции, степени самовыражения говорящего, сложившихся социальных институтов, регистра общения и клишированных языковых средств [6, с. 246].

Научно-публицистические статьи, в отличие от общественно-аналитических статей и от научных статей, нацелены на то, чтобы сделать доступными широкому кругу читателей и пользователей сети Интернет конкретные научные открытия.

Мы задались целью проследить, как различные факторы влияют на организацию дискурса научно-публицистической статьи. В качестве адресанта выступают профессора педагогики и лингвистики Британских и Российских университетов. Адресатом является читающая аудитория, которая представляет собой массовый дистанцированный тип адресата.

Определение иллокутивного характера высказываний адресанта и способов организации его дискурса осуществляется по определённым параметрам, которые, на наш взгляд, напрямую связаны со структурными характеристиками дискурса. На многие вопросы в области исследования структуры дискурса даёт ответы «дискурс-анализ».

Как метод лингвистического исследования, дискурс-анализ обладает собственным инструментарием, в который входит целый ряд категорий и единиц. С помощью категорий можно не только понять составляющие элементы дискурса, но и отследить его логическую и смысловую связность, понять цель высказываний, каким образом частные цели коммуникантов соотносятся с глобальной целью. Обычно выделяют следующие категории дискурс-анализа: *мена коммуникативных ролей, коммуникативная стратегия, когеренция (смысловая связность) и когезия (формально-грамматическая связность) дискурса, метакоммуникация дискурса* [19, с. 10; 21, с. 33; 20, с. 23; 17, с. 132-133, 223; 23, с. 48-66; 11, с. 103; 8, с. 190-203]. К числу основных единиц дискурс-анализа, как правило, относят: *коммуникативный ход, обмен коммуникативными ходами, транзакция и коммуникативное событие* [22; 18; 2, с. 17, 19; 8, с. 174-190].

Мы задались целью выявить факторы, которые предопределяют варьирование категорий и единиц дискурс-анализа.

Первичной формой существования жанра научно-публицистической статьи является письменная форма речи. В связи с этим, научно-публицистическая статья характеризуется отсутствием прямого речевого взаимодействия между адресантом и адресатом. Следовательно, такие категории и единицы дискурс-анализа, как мена коммуникативных ролей и обмены коммуникативными ходами не применимы к данному типу дискурса. Однако, несмотря на то, что реакция адресата в письменной коммуникации отсрочена, адресант всегда строит

свой дискурс, ориентируясь на массового дистанцированного адресата. Если коммуникативное событие замкнуто только на адресанте, оно теряет прагматический смысл.

В связи с отсутствием обменов коммуникативными ходами между адресантом и адресатом, дискурс научно-публицистической статьи состоит только из коммуникативных ходов адресанта. Под коммуникативным ходом понимаем минимальную дискурсивную единицу, развивающую общение в рамках единой коммуникативной цели. Коммуникативная цель, в свою очередь, представляет собой общее целевое начало (возможно, комплексное), целевой план, проект, который определяет, задает (или должен задавать) все речевое поведение субъекта в данном общении и в его отдельных репликах [11, с. 21]. Можно предположить, что ввиду отсутствия недистанцированного адресата, всё коммуникативное событие представляет собой один коммуникативный ход адресанта. Полагаем, что это не так. В связи с научно-публицистической направленностью жанра статьи, адресант приводит различные доводы, критикует подходы к той или иной научной проблеме, поочередно вводит новые микротемы. Этот факт натолкнул нас на мысль о том, что количество коммуникативных ходов в дискурсе адресанта зависит от количества микротем и критических доводов, вводимых адресантом, зачастую посредством маркированных заголовков, вопросов или красных строк. Сравните:

The answer is that I wish to take the opportunity to set the record straight on certain matters and offer readers some signposts as to where they might look next if they are interested in understanding critical race theory (CRT) as it is developing in the work of critical race scholars rather than through the confused and often misleading straw person version that tends to appear in critiques from both ends of the political spectrum (for discussions of previous critiques see Bell, 1995; Crenshaw, 1995; Delgado & Stefancic, 2001; Stovall, 2006; Mills, 2009).

What is Critical Race Theory?

There is no space here to offer a comprehensive explanation of CRT, its background in US legal studies, or the particular ways in which the approach is developing across many different fields in contemporary social science (статья Гиллборна).

Поэтому нам представляется, что инновациями можно считать лишь те идеи, методы, технологии, которые не только воплощены в педагогический процесс, но и экспериментально проверены и готовы к системному целостному внедрению в учебный процесс, в частности школы. В связи с вышеизложенным было бы интересно рассмотреть Метод активизации возможностей личности и коллектива с точки зрения понятия «инновация».

Конечно, в 70-е годы, когда разрабатывался Метод активизации, в нашем обществе, еще закрытом, не было востребовано изучение иностранного языка как средства межкультурного общения (статья Китайгородской).

В англоязычном примере новая микротема о критической расистской теории вводится посредством заголовка в форме вопроса. В русскоязычном примере следующий за предыдущим коммуникативный ход, вводящий новую микротему, обозначен с помощью красной строки.

Отметим, что коммуникативные цели, а именно: обсудить научную проблему, сделать доступными широкому кругу читателей конкретные научные открытия и привлечь внимание адресата, реализуются с помощью коммуникативных ходов адресанта и коррелируют с коммуникативными стратегиями адресанта, представленными на уровне категорий дискурс-анализа.

Под коммуникативными стратегиями понимаем выбор говорящим определённых средств для достижения определённой цели в определённых условиях общения [5, с. 144]. В рамках научно-публицистического дискурса, на наш взгляд, в дискурсе адресанта глобальными стратегиями являются стратегии аргументации и популяризации, локальной стратегией, их реализующей, выступает стратегия когеренции, которая реализуется с помощью когезии – грамматической связности дискурса. Адресант пользуется стратегией аргументации при объяснении того или иного явления или факта, что полностью соответствует информативной направленности научно-публицистического формата дискурса. Стратегия локальной когеренции помогает адресанту логично выстроить свой дискурс. В плане смысловой и грамматической

связности, дискурс адресанта в жанре научно-публицистической статьи характеризуется логической последовательностью коммуникативных ходов.

Ещё одной глобальной стратегией является стратегия удержания внимания аудитории. Локальной стратегией, реализующей данную стратегию выступает инсценируемая интердискурсивность. Интердискурсивность проявляется в эксплицитно выраженных отсылках к другим дискурсам [12, с. 72-73], представляющим несомненный интерес для адресата и вследствие этого повышающим его интерес к содержанию научно-публицистической статьи. Сравните:

In texts we find such forms as msg ("message") and xlnt ("excellent"). Alms t any wrd cn be abbrvted in ths wy - though there is no consistency between texters (статья Кристалла).

Опора на санкционированную утечку два или три раза встречалась также и в ключевых вопросах современной украинской истории. В завершение приведем еще один пример использования слухов в изложении О. Попцова (Попцов О. Хроника времен "царя Бориса". Россия, Кремль. 1991 – 1995. М., 1996. С. 379–380). "21 марта 94-го года в ночном информационном вещании выбрасывается еще один фонтан слухов. О срочно выехавшем в Сочи премьерe (где отдыхает Президент), о приведенных в боевую готовность частях спецназа, о телефонной связи Белого дома, работающей в одностороннем режиме. И тут же, через минуту, опровержение. "Только что мы связались с канцелярией премьерa. Не подтвердилось. Связались с Генеральным штабом – не подтвердилось". И телефонному молчанию в Белом доме нашлось объяснение (статья Почепцова).

Англоязычный пример демонстрирует отсылку к СМС-дискурсу, русскоязычный пример – к политическому дискурсу.

Таким образом, цель обсуждения научной проблемы коррелирует со стратегией аргументации, цель сделать доступными широкому кругу читателей конкретные научные открытия – со стратегией популяризации, а цель привлечь внимание адресата – со стратегией удержания внимания аудитории.

Следующей категорией дискурс-анализа, участвующей в организации дискурса адресанта

научно-публицистической статьи, является метакоммуникация. Данная категория включает целый ряд средств: индексы места и времени для обозначения точки отсчета в системе какого-либо дискурсивного процесса, формальные элементы, маркирующие начало, структурирование, редактирование и окончание коммуникации [3, с. 404-421; 13, с. 18-20; 15, с. 126-129]. Индексы места и времени для обозначения точки отсчета коммуникации, а также формальные элементы, маркирующие начало и окончание коммуникации, как правило, присущи устной речи. Поскольку форма речи научно-публицистической статьи письменная, адресант в основном использует формальные элементы, маркирующие структурирование коммуникации. Сравните:

Mike Cole's arguments in this issue of Power and Education (Cole, 2009a) largely repeat points that have already been made elsewhere (Cole, 2007; Cole & Maisuria, 2007) and seem likely to reappear in further treatments that are already in press (Cole, 2009b, c).

So, you may be asking, why am I writing this response? (Статья Гиллборна).

Он содержит и газетные и журнальные статьи разной тематики (от общественно-политических до, например, спортивных), и специальные тексты (научные, научно-популярные и учебные по разным отраслям знания), и рекламу, и частную переписку и дневники. Словом, в Корпус попадают образцы практически любого существующего в русском языке письменного дискурса — от статьи современного музыкального критика до инструкции по уходу за кактусами, от рассказов Пелевина до справочника по физике.

Более того, корпус, словарь и грамматика, скорее всего, соединятся в один электронный ресурс — или базу данных, на основании которой и можно будет изучать язык (статья Плунгяна).

К метакоммуникативным средствам относятся также элементы, обеспечивающие привлечение и поддержание внимания, а также сигналы получения и понимания поступающей информации, иными словами, средства фатической метакоммуникацией [10, с. 53-54; 14, с. 103-106]. Минимальное количество фатических метакоммуникативных средств в жанре научно-публицистической статьи объясняется двумя факторами: фактором адресата

и форматом дискурса. Фатические метакоммуникативные средства часто используются в непосредственном неофициальном общении. В жанре научно-публицистической статьи адресат не персональный, а массовый, к тому же дистанцированный. Массовый дистанцированный адресат не принимает участия в поддержании процесса коммуникации. Немаловажную роль играет также научно-публицистический формат дискурса, предполагающий официальный характер коммуникации. При официальном общении акцент делается на обмен информацией. Большое количество фатических метакоммуникативных средств может привести к снижению информативности дискурса, поэтому в проанализированном материале фатические метакоммуникативные средства представлены единичными примерами. Как правило, они используются для поддержания внимания массового-дистанцированного адресата. Сравните:

And study after study shows that overt grammar lessons don't lead to better writing. Right? (Статья Беренса).

Причем — внимание! — понимать структуру именно тех текстов, которые встречаются в реальной жизни, а не идеализированную структуру языка в том виде, как она описана в академических и тем более школьных грамматиках (статья Плунгяна).

Итак, мы полагаем, что три фактора, а именно: научно-публицистический формат дискурса, фактор массового-дистанцированного адресата и письменная форма речи оказывают влияние на дискурс научно-публицистической статьи. Использование категорий и единиц дискурс-анализа напрямую зависит данных факторов, что проявляется в следующем. Дискурс научно-публицистической статьи состоит из коммуникативных ходов адресанта, с помощью которых адресант вводит новые микротемы посредством маркированных заголовков, вопросов или красных строк. Дискурс научно-публицистической статьи характеризуется стратегиями аргументации, популяризации и удержания внимания гипотетической аудитории, смысловой и формально-грамматической связностью, а также использованием метакоммуникативных

средств, а именно: формальных элементов, маркирующих структурирование коммуникации и минимального количества фатических элементов.

Список литературы

1. Баженова Е. А., Котурова М. П., Сквородников А. П. Жанры научной литературы; Смысловая структура (смысл) текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, 2006.
2. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2001.
3. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978.
4. Гришаева Л. И., Ищенко Е. Н. Дискурс как процесс взаимодействия коммуникантов // Человек как субъект коммуникации. Воронеж: изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006.
5. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Воронеж: изд-во ВГУ, 2004.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
7. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М.: Флинта, 2008.
8. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
9. Митрофанова О. Д. Научный стиль речи: проблемы обучения. М.: Рус. яз., 1985.
10. Почепцов Г. Г. Фатическая метакоммуникация // Семантика и прагматика синтаксических единств. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1981.
11. Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988.
12. Сачава О. С. Об инсценируемой интертекстуальности // Современные направления в лингвистике и преподавании языков. М.: МНЭПУ (Пензенский филиал), 2008. Т.1.
13. Харламова Т. В. Текстобразующие средства в устной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2000.
14. Чхетиани Т. Д. Метакоммуникативные сигналы слушающего в фазе поддержания ре-

чевого контакта // Языковое общение: Единицы и регулятивы. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1987.

15. Шаповалова О. Н. Метатекстовые средства смысловой связи в речевом общении // Язык и культура в современном экономическом пространстве. Саратов: Научная книга, 2006.
16. Шмелёв Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Наука, 1977.
17. Brown G., Yule G. Discourse analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
18. Coulthard M. An Introduction to Discourse Analysis. London: Longman, 1977.
19. Dijk T.A.van. Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse. L.: Longman, 1977.
20. Goodwin, Ch. Conversational organization: Inetraction between speakers and hearers. New York: Academic. XII, 1981.
21. Leech G.N. Explorations in Semantics and Pragmatics. Amsterdam: Benjamins, 1980.
22. Sinclair J.McH., Coulthard R.M. Towards an Analysis of Discourse: The English Used by Teachers and Pupils. L.: Oxford University Press, 1975.
23. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford: Blackwell, 1983.

Источники

1. Беренс – Behrens S. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://chronicle.com/article/Why-Every-Professor-Needs/130855/>
2. Гиллборн – Gillborn D. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.educationarena.com/pdf/dgillborn_transcript.pdf
3. Китайгородская – Китайгородская. Г. А. Инновации в образовании – дань моде или требование времени? // Иностранные языки в школе. – 2009. – № 2. – С. 2-7.
4. Кристалл – Crystal D. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.theguardian.com/books/2008/jul/05/saturdayreviewsfeatres.guardianreview>
5. Плунгян – Плунгян В. А. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/zachemy-delaem-nacionalnyy-korpus-russkogo-yazyka>
6. Почепцов – Почепцов Г. Г. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.advi.ru/archive/article.php3?pid=97>

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Коровина А.Ю.

ВИДЫ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «АНГЛИЙСКИЙ СНОБ»

Кандидат филологических наук, доцент ВГСПУ им. Серафимовича, г. Волгоград

TYPES OF COMMUNICATIVE TONES CHARACTERISING THE SPEECH OF LINGUISTIC- CULTURAL IDENTITY "ENGLISH SNOB"

Korovina Anna, Candidate of Linguistics, assistant professor of Volgograd State Social Pedagogical University named Serafimovich, Volgograd

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются типы коммуникативной тональности, характерные для речевого поведения лингвокультурного типажа «английский сноб» на материале английской художественной литературы XIX-XXI веков.

ABSTRACT

The article deals with the types of communicative tones characterizing the speech of linguistic-cultural identity "English Snob" on the basis of the English literature of XIX-XXI centuries.

Ключевые слова: коммуникативная тональность, разновидность, лингвокультурный типаж, статус, фонетические особенности, лексические особенности.

Keywords: communicative tone, type, linguistic-cultural identity, status, phonetic peculiarities, lexical peculiarities.

В лингвистической литературе тональность определяется как «психологическая окраска речи, как вид субъективной модальности, которая отражает отношение говорящего к тексту, к реципиенту и к самому себе и влияет на формирование текста в следующих разновидностях: «официально», «серьезно», «шутливо», «восторженно», «дружелюбно», «враждебно», «саркастически», «недоверчиво», «безразлично», «пессимистически», «осторожно», «мечтательно», «с грустью», «пренебрежительно», «надменно», «агрессивно», «с отвращением», «настойчиво», «с завистью», «удивленно», «взволнованно», «хвастливо», «с тревогой», «раздраженно», «с обидой», «отрешенно», «радостно», «притворно», «задумчиво», «решительно», «вызывающе», «таинственно», «грубо», «испуганно», «вежливо», «ласково»

[1, с. 4,16-17].

Коммуникативная тональность – это «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения. Коммуникативная тональность является культурно-обусловленной и соотносится с принятыми в обществе типами дискурса» [2, с. 384].

Представляется возможным выделить следующие основные разновидности коммуникативной тональности:

- 1) информативная тональность (нейтрально-эмоциональное общение, целью которого является информирование и реакция на него);
- 2) фатическая тональность (вариативное динамичное общение, цель которого – обеспечение комфортного диалога);

- 3) статусная тональность (вариативное общение, цель которого – взаимное позиционирование коммуникантов);
- 4) шутливая тональность (несерьезное сниженное эмоциональное общение, цель которого – сокращение дистанции между коммуникантами);
- 5) торжественная тональность (ритуально-возвышенное общение, цель которого – подтверждение коллективной идентичности);
- 6) идеологическая тональность (серьезное общение с жестко заданными установками, цель которого – определение принадлежности партнера к своим либо чужим);
- 7) фасциативная тональность (серьезное эстетическое общение, сориентированное на форму речевого поведения, цель которого – получение удовольствия);
- 8) гипотетическая тональность (серьезное общение, сориентированное на обсуждение отвлеченных тем, цель которого – поиск истины);
- 9) агрессивная тональность (сниженное эмоциональное общение, цель которого – подавление партнера);
- 10) эзотерическая тональность (экзальтированное общение, направленное на поиск тайных знаков, цель которого – получение сакрального знания);
- 11) манипулятивная тональность (общение, сориентированное на заблуждение партнера, цель которого – выполнение либо невыполнение партнером того или иного действия по воле адресанта);
- 12) менторская тональность (серьезное общение, направленное на жесткий контроль поведения партнера с опорой на авторитет знаний и традиций, его целью является демонстрация своего превосходства) и т.д. [2, с. 386-387].

Для лингвокультурного типажа «английский сноб» характерно особое, свойственное только ему коммуникативное поведение, ограничивающееся лишь немногими из представленных разновидностей коммуникативной тональности, что обусловлено нормами речевого поведения, манерой общения, а также определенными коммуникативными ситуациями.

Поскольку «снобизм» свойственен преимущественно представителям высших и средних классов, речь снобов-аристократов и подражающих им представителей более низких классов характеризуется:

- специфическим фонетическим оформлением речи (сокращения, опущение букв и звуков h, th в начале слов; реже -ve в конце слов);
- использованием литературно-книжной лексики, архаичных и устаревших слов, французских слов, сленга, низко-стилевых слов, недооценкой и переоценкой в реакции на ситуацию.

Речь сноба XIX века с точки зрения фонетики характеризуется умышленной небрежностью. Как правило, эта небрежность является средством выражения презрительного отношения к нижестоящему. Один из членов семейства Форсайтов, например, в разговоре с представителем своего социального класса, высказывает свое мнение о Босини (который не принадлежит к высшему свету) следующим образом: «*I dunno what to make of 'im. Looks to me for all the world like an 'alf-tame leopard*» [4, с. 47]. В данном случае, помимо, определенного пренебрежения, четко прослеживается шутливая тональность (употребление говорящим сравнения *'alf-tame leopard*) с целью сокращения дистанции между коммуникантами, стремление показать свое равенство в отношениях с тем, кто принадлежит к той же социальной группе, что и он.

В число лексических особенностей речи сноба входят следующие:

- а) широкое употребление в речи иностранных (французских, реже латинских) и заимствованных слов;
- б) употребление высоко-стилевых элементов (литературно-книжной лексики);
- в) употребление низко-стилевых элементов (в зависимости от регистра общения и эмоционального состояния говорящего);
- г) специальный подбор лексики;
- д) употребление сленга.

Поскольку снобы в большинстве своем принадлежат к высшим слоям общества и являются, как правило, людьми образованными, то употребление французских и заимствованных (чаще всего

из французского языка) слов является наиболее яркой лексической особенностью речи снобов XIX века.

Будучи языком знати, французский язык и слова, заимствованные из него, используются в описании туалетов, в названиях различных увеселительных мероприятий (a dejeuner dansant - чай с танцами; conversazione roues — заведомо концертов), в названии различных блюд (monton aux navets — баранина с репой; potage de mouton a l'Écossaise - бараний суп по-шотландски; pommes de terre au nautrel - вареный картофель; choufleur a l'eau - цветная капуста). Таким образом, можно говорить о так называемом «ритуальном» общении, которое в большинстве случаев характеризуется торжественной тональностью, целью которой является подтверждение коллективной идентичности, а в данном случае, еще и обособленности от представителей более низких социальных классов.

Использование французского языка и заимствованных слов обусловлено стилем жизни снобов, а интенсивность этого использования напрямую зависит от социального статуса, которым обладает тот или иной сноб, уровня образованности и от его индивидуальных предпочтений.

«Mrs. Major was quite fascinated by this brilliant conversation. She began to trot out scraps of French, just for all the world as they do in the novels; and kissed her hand to me quite graciously, telling me to come soon to cuffy, and **ung pu de Musick o salong** – with which she tripped off like an elderly fair» [5, с. 143].

Сноб зачастую употребляет в своей речи слова высокого стиля, что также является примером торжественной тональности.

Слова высокого стиля - это, как правило, многосложные слова, часто имеющие эквивалент в нейтральной лексике. «I once knew man, who dining in my company at the “Europa Coffee-house” ate peas with the assistance of his knife» (= with the help) [5, с. 22]. А один из снобов, говоря о своем доме, использует слово “ownlodge” вместо обычного слова “house” [5, с. 72].

Иногда употребление снобом книжной лексики является способом демонстрации интеллектуального превосходства: «Mr Fink-Nottle has a strong

newt complex. You must have heard of newts. Those little sort of lizard things that charge about in ponds». – «Oh, yes, sir. The aquatic members of the family Salamandridae which constitute the genus Molge» [6, с. 11]. В данном случае один из коммуникантов использует идеологическую тональность, задавая установку на серьезное общение и намекая своему собеседнику на то, что образованные люди их круга должны использовать термины для обозначения того или иного феномена.

Употребление снобом низко-стилевых элементов объясняется желанием установить отношения солидарности между говорящим и адресатом, либо является индикатором наличия этой солидарности, что свидетельствует о преимущественно статусной тональности, характеризующей речевое поведение сноба практически в любой коммуникативной ситуации: «How often had Nicholas Treffry said to him: “You could do anything. Jo, if you weren't so **d-damned** careful of your-self”» [4, с. 64].

Вместе с тем предельно сниженная речь может быть оскорбительной. При этом на первый план выступает статусное различие между говорящими. Вышестоящий сноб говорит грубо и оскорбительно при общении с нижестоящим. Низко-стилевые элементы служат при этом, как правило, средством выражения эмоционально-экспрессивно-оценочного отношения:

«How **the deuce** can you speculate about the army, Pekin, who don't know the difference between a firelock and a fusee?» [5, с. 100].

Статусная тональность зачастую сочетается с другими видами тональности, например, шуточной: «Why should a man not travel in a coat, etc.? but thinks proper to dress himself like a harlequin in mourning» [5, с. 126].

Внутренняя трансформация слова harlequin (= a comic character usually masked, dressed in multi-colored, triangulated tights and carrying a sword or magic wand), а также одно из сопутствующих значений - a buffoon (= one who amuses others by tricks, jokes, odd gestures and postures) позволяет говорить об ироническом отношении говорящего к объекту речи. Об этом также свидетельствует несовместимость слов harlequin (= a comic character) and mourning (траур).

Речь лингвокультурного типажа «английский сноб XX, XXI вв.» уже не изобилует французскими словами и выражениями, в ней отсутствуют высокостилевые и низкостилевые элементы, в ней нет фонетических отклонений от нормы.

Были выявлены лишь немногочисленные фонетические особенности речи «сноба XX – XXI вв.», а именно сокращения и особое интонационное оформление высказывания, что свидетельствует о преимущественно статусной тональности общения:

«- *We're delighted to see you here – Lady Uckfield spoke with a kind of intimate urgency, which punctuated everything she said, as if she was sharing a permanent private joke that only you (or whomever she was talking to) would understand*»

[3, с. 53].

«*No, thank you*»- *Lady Uckfield spoke with her usual intimate urgency. – I gather you're doing the most marvelous things down in Cramney. I hear it's simply buzzing. I can't wait to come and see for myself*» [3, с. 117].

«- *Isn't it these whad'y'a call "yuppies" – Lord Uckfield spoke in inverted commas, pleased to be so up to the minute*» [3, с. 181].

«- *The thing is, it seemed the most frightfully funny idea, d'you see.... She thought it'd be terrifically funny too, d'you see? She was a great sport about it, she even told Charles not to be silly*» [3, с. 82]. В данных текстовых фрагментах четко прослеживается торжественная тональность, поскольку персонаж, являясь типичным снобом, всеми вербальными и

невербальными средствами стремится к подтверждению коллективной идентичности.

Что касается, лексического уровня, то следует отметить, что речь снобов, по сути, ничем не отличается от речи обычных людей.

Таким образом, говоря о коммуникативном поведении лингвокультурного типажа «английский сноб», следует отметить, что это поведение реализуется преимущественно в статусно-ориентированном дискурсе и характеризуется следующими видами коммуникативной тональности: статусной, шуточной, торжественной и лишь в немногочисленных контекстах идеологической. При этом вербальная реализация данных разновидностей тональности преимущественно характерна для речевого поведения лингвокультурного типажа «английский сноб XIX века.

Литература:

1. Багдасарян Т.М. Речевое поведение врачей-психотерапевтов (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Ростов-на-Дону. 2005.
2. Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград «Парадигма». 2007.
3. Fellowes J. Snobs. London. 2004.
4. Galsworthy J. The Forsyte Saga. Harmondsworth. 1991.
5. Thackeray W.M. The book of snobs. Moscow. 1959.
6. Wodehouse P.G. Life with Jeeves: Right Ho, Jeeves. Harmondsworth. 1983.

Сигова К.В.

ОРГАНИЗАЦИЯ ХРОНОТОПА В РОМАНАХ ДИНЫ РУБИНОЙ

аспирант кафедры русской и украинской филологии и методик преподавания,
РВУЗ «Крымский гуманитарный университет» (г. Ялта)

CHRONOTOPE MANAGEMENT IN DINA RUBINA'S NOVELS

Sigova Kristina Valeryevna, Graduate student of the department of Russian and Ukrainian philology and Methodologies of teaching, Crimean Humanitarian University Republican Higher Educational Establishment (Yalta)

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается понятие хронотопа и его реализация в романах Дины Рубиной. В исследовании выявлены и обоснованы ключевые позиции хронотопа в романах писательницы.

ABSTRACT

The article deals with the notion of chronotope and its realization in Dina Rubina's novels. The key units of chronotope in author's novels have been revealed and exposed in this study.

Ключевые слова: Дина Рубина, дорога, роман, хронотоп.

Keywords: Dina Rubina, road, novel, chronotope.

На сегодняшний день тема хронотопа является наиболее актуальной, в частности в сфере романов. Тем не менее, изучение хронотопа в романах Дины Рубиной исследовано не в полной мере. Вышеуказанное, а также значимость и малоизученность хронотопа в творчестве писательницы, обусловило **выбор темы исследования** и составило его **актуальность**.

Цель статьи – выявить организацию хронотопа в романах Дины Рубиной.

Хронотоп – это ключевое звено любого произведения, выявляемое в пространственно-временном континууме. Хронотоп, объединяя время и пространство, диктует жанр произведения, его характерные особенности и образы, вымышленные автором. Тем самым, он обладает определенными ценностями, которые зависят от времени написания произведения, от его мотивов. Существует немало видов хронотопа, таких как хронотоп дороги, встречи, и т.д. Следовательно, являясь конструктом любого романа, в зависимости от авторской интенциональности, хронотоп проявляется в различных видах [1, с. 235-392]. Значит, взаимодействие пространственно-временных отношений способствует построению сюжетной линии произведения, включающей эмоциональную окраску, авторскую интерпретацию. Таким образом, «...хронотоп как преимущественная материализация времени в пространстве является центром изобразительной конкретизации...» [1, с. 399], отсюда вытекает, что все элементы романа (философские, экзистенциальные, эстетические, социальные, аналитические) присущи хронотопу, за счет этого произведение наполняется смыслом.

С точки зрения Н. Яковлевой, «на смысловой уровень романа нам помогают выйти хронотопы, выполняющие и сюжетообразующую функцию» [10, с. 98]. Следовательно, хронотоп дороги, который указывал М. Бахтин [1, с. 392] реализуется на страницах романов Д. Рубиной.

Хронотоп дороги романа «Почерк Леонардо» [5] переплетается с архетипом дороги, поскольку жизнь – это движение, а жизнь Анны – это стремление найти себя, найти смысл жизни, большую часть которой она работала в цирке. Однако цирк, по мнению В. Дейнега – всегда дорога [2, с. 20; 10, с. 102], значит архетип дороги, реализуемый Д. Рубиной, является смыслообразующим каркасом произведения, переплетающийся с хронотопом зазеркалья, который является ключевым элементом жизни главной героини [10, с. 107]. Следовательно, сплетение хронотопа и архетипа дороги имеет свою экзистенциальную природу, воплощенную в судьбе главной героини романа.

Хронотоп романа «Синдром Петрушки» [7], в некотором плане, нарушает целостность временных границ за счет перехода от одного события к другому в разных пространственно-временных рамках, одновременно создавая целостную картину произведения. Здесь переход происходит с события на событие: выписка Лизы из больницы, затем воспоминание о детстве Петра и Бориса и т.д. Таким образом, хронотоп романа охватывает события многих стран, однако, часто встречающимися являются Израиль, Украина, Польша [7]. Тем не менее, такое явление наблюдается и в романе «Почерк Леонардо» [5]. Впрочем, хронотоп романа «Синдром Петрушки» [7] реализуется в так называемом мире кукол и пересекается с хронотопом реального мира. Следовательно, хронотоп мира кукол – мистический элемент произведения, тесно переплетаемый с жизнью героя, для которого кукла является неким священным существом.

У Д. Рубины хронотоп встреч проявляется и переплетается в различных романах, показывая развитие героя на протяжении его жизни, «взлеты и падения», тем самым передавая сюжет произведения. Таким образом, за счет различных реализаций хронотопа, «время приобретает в них чувственно-наглядный характер; сюжетные события в

хронотопе конкретизируются, обрастают плотью, наполняются кровью» [1, с. 398]. Тем не менее, время и пространство, присутствуют благодаря авторскому хронотопу [1], который передает место действия произведения в диахроническом или синхроническом аспекте конкретно-исторической эпохи, что в свою очередь зависит от первоначальной авторской задумки [3, с. 1217-1221].

Самым распространенным типом хронотопа, использованным Д. Рубиной является хронотоп вечности, для которого характерно наличие всех времен одновременно, в частности, это реализуется в романе «Почерк Леонардо» [5]. Впрочем, несмотря на то, что речь идет о современной действительности, писательница обращается к далекому прошлому, указывая на тот факт, что Леонардо да Винчи использовал тот же почерк, что и главная героиня, проводя в какой-то степени между ними линию, отдавая дань гениальности ученому, подчеркивая при этом, гениальность и необычность главной героини.

В романе «Белая голубка Кордовы» [4], хронотоп включает в себя два аспекта: исторический и реальный, выявляемые в том, что корни Захара Кордовина уходят в 17 столетие и накладывают отпечаток на его судьбу, о котором он не подозревал какое-то время. Хронотоп дороги прослеживается в жизни главного героя: поступление в институт, заработок, личная выгода, бегство, являет собой образ дороги, образ вечного поиска. Однако хронотоп главного героя прерывается ретроспекцией и переплетается с хронотопом второстепенных персонажей, например, Жуки, ее путь: война, выживание, закалка характера, ценности, знакомство с племянником и т.д.

Роман «Синдикат» [6] обладает своими пространственно-временными отношениями, однако, с точки зрения Э. Шафранской он характеризуется некими двумя «подпространствами», заключающиеся с одной стороны, в том, что первое «подпространство» реализуется «синдикатами и клоунами, среди них образ Клещатика – персонифицированная профанность, доходящая до демонизма...» [9, с.191], с другой стороны, в этом романе реализуется второе «подпространство» – «виртуально

присутствующим (посредством интернет-сети) пророком *Azaria* – персонификация морально-этической интенции романа» [9, с. 191]. Однако героиня, за счет которой происходит повествование в романе «Синдикат» находится на грани двух «подпространств», а именно «...она же клоун, или синдик, она же судия» [9, с.191].

Произведения Д. Рубиной [4; 5; 6; 7], рассматривая их с позиции хронотопа, вбирают в себя не определенный год жизни героев, а практически всю их жизнь, то есть происходит рассмотрение жизни героя в целом с позиции диахронии, где на заднем фоне обязательно присутствует смена различных аспектов социальной жизни. Таким образом, передача чувств, мышления героев с позиции мировоззрения автора – главная составляющая передачи хронотопа в художественном тексте. Тем самым главная функция хронотопа, по мнению А. Темирболат [8, с. 6] синтезирующая, поскольку она рефлектирует аспекты, мировоззрения, стереотипы той исторической эпохи, в которой живет писатель, значит, хронотоп – это система человек-природа-общество, обладающая различными уровнями, что реализуется на страницах произведений Д. Рубиной. Следовательно, если хронотоп художественного текста обладает несколькими уровнями, значит, произведения Д. Рубиной необходимо рассматривать с позиции этих уровней.

Первый уровень хронотопа, характеризуется позицией рассказчика и персонажа, выявляемый во взаимном информационном обмене за счет пересечения пространственно-временных отношений [8, с. 7]. Такое отношение реализуется в романах Д. Рубиной, в частности «Белая голубка Кордовы» [4], «Почерк Леонардо» [5], «Синдром Петрушки» [7], где пространство и время прерываются автором, иногда переходя в нарушение хронологического порядка.

Второй уровень реализации хронотопа в художественном тексте осуществляется за счет позиции писателя, героя-рассказчика, выявляемые в виде диалога, надстраиваемого авторским мышлением, его интенцией. Возможно, наличие вымышленного читателя с которым автор ведет диалог,

значит, в данном случае необходимо наличие каких-либо рассуждений, обращенных к читателю [8, с. 7]. Следовательно, во многих романах Д. Рубиной создается впечатление, что присутствует некий герой, явно не отображенный в произведении, но имеющий свое место, в частности, напоминает героя-рассказчика, от которого происходит повествование, но, тем не менее, в большинстве случаев образ героя-рассказчика представляет собой второстепенного героя, от лица которого ведется повествование, например, в романе «Почерк Леонардо» [5].

Третьим уровнем хронотопа выступает автор и читатель, поскольку автор произведения нацеливает его на определенный тип читателя, следовательно, читатель взаимодействует с персонажами, осуществляя эту связь. Таким образом, Д. Рубина посредством своего изложения, отступлений от повествования осуществляет связь агент-адресат.

Последний, четвертый уровень выявляется в том, что им предстает само произведение. Тем самым, «он становится своеобразным участником коммуникации вследствие того, что его хронотоп пересекается с хронотопом читателя и с хронотопом внетекстового мира» [8, с. 7]. Следовательно, реализация авторской задумки, методы и пути ее осуществления способствуют передачи целостной картины произведения.

Таким образом, хронотоп – это абстрактное обозначение пространственно-временных отношений, заключаемых в самом произведении и за его рамками, продиктованный определенной исторической эпохой, полом автора, его мировоззрением, мироощущением и идеалами. Тем самым, Д. Рубина реализует разнообразные виды хронотопа в своих романах, используя все четыре уровня, присутствующих хронотопу.

Список литературы:

1. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет [Текст] / М. Бахтин. – М., «Худож. лит.», 1975. – 504 с.
2. Дейнега В. В. Проблематика и поэтика романа «Почерк Леонардо» [Текст] / В. В. Дейнега // Вісник Запорізького національного університету. – № 1, 2010. – С. 20.
3. Кондрашкина О. О. Категории пространства, времени и хронотопа в художественном произведении и языковые средства их выражения [Текст] / О. О. Кондрашкина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, Т. 13, № 2 (5), 2011. – С. 1217-1221.
4. Рубина Д. Белая голубка Кордовы: [Текст] / Д. Рубина. – М. : Эксмо, 2012. – 576 с.
5. Рубина Д. Почерк Леонардо : [роман] / Д. Рубина. – М. : Эксмо, 2011. – 480 с.
6. Рубина Д. Синдикат: роман-комикс: [Текст] / Д. Рубина. – М. : Эксмо, 2012. – 704 с.
7. Рубина Д. Синдром Петрушки : [роман] / Д. Рубина. – М. : Эксмо, 2011. – 544 с.
8. Темирболат А. Б. Категория хронотопа в свете современных научных концепций литературоведения [Текст] / А. Б. Темирболат // Филологические науки в России и за рубежом: материалы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). – СПб. : Реноме, 2012. – С. 6-7.
9. Шафранская Э. Еврейский текст в романе Дины Рубиной «Синдикат» [Электронный ресурс] / Э. Шафранская // Евреи в меняющемся мире. – С. 191-192 : Сайт. – Заголовок с экрана. – Режим доступа : http://www.lu.lv/fileadmin/user_upload/lu_portal/materiali/studiju-centri/jsc/resursi/2006/EMM_6_p191-200.pdf.
10. Яковлева Н. М. Специфика хронотопа в романе Дины Рубиной «Почерк Леонардо» [Текст] / Н. М. Яковлева // Трансформации жанров в литературе и фольклоре : сб. статей научно-исследовательского центра «Трансформации жанров и стилей в новейшей литературе и фольклоре». – Челябинск : Изд-во ООО «Энциклопедия», – Вып. 4. – С. 99-103.

Сорока С.А.

СТАТИЧНОСТЬ КАК СВОЙСТВО ХРОНОТОПА В ПЬЕСЕ НИНЫ САДУР «ЕХАЙ»

аспирант Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону

STATIC CHARACTER AS THE PROPERTY OF CHRONOTOPE IN NINA SADUR'S PLAY "EKHAY"

Soroka Svetlana, post-graduate student of Southern Federal University, Rostov-on-Don

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается одно из ключевых свойств хронотопа пьесы Н. Садур «Ехай» – статичность. В процессе анализа пьесы показаны такие особенности драмы, как неподвижность сюжета, преобладание внутреннего конфликта над внешним, психологизм. Образы-символы пьесы раскрывают не только особенности пространственно-временных координат, но и указывают на философский смысл произведения.

ANNOTATION

In this article, we can consider the static character - one of the key properties of chronotope in Nina Sadur's play "Ekhay". Some of the peculiarities are shown in the course of analysis, such as the plot immovability, predominance of the internal conflict over the external and psychologism. Images - symbols of the play expose not only features of spatio-temporal coordinates, but also indicate philosophical sense of work.

Ключевые слова: хронотон; статичность; символичность; психологизм.

Key words: chronotope; static character; symbolicalness; psychologism.

Рассматривая сюжеты одноактных пьес Нины Садур, трудно не заметить, что события в них кружатся на одном месте. Приостановление развития внешних событий становятся указанием на неподвижность, статичное состояние сюжета. Например, побудительное значение заглавия пьесы «Ехай» не получает никакой реализации в действиях героев и событиях пьесы. Таким образом, уже в самом начале пьесы заявлено ограничение пространственных координат, что свидетельствует о прекращении пути не по собственному желанию и движению времени: *«Тормози, Вить, фиг с ним, с графиком. Эти реплики так и прозвучали где-то там, далеко, где начал тормозить поезд»* [1, с. 161]. Основной конфликт в пьесе – борьба двух миров: настоящего (природа) и иллюзорного, мнимого (машины, безверие, бездушие). Именно технический мир преобладает над живым миром, что говорит о неподвижности и приостановлении всего живого в пьесе.

Как правило, при статичности событий пьесам свойственно сжатие пространственных границ и временных рамок, эмоциональная напряженность, нервозность, нарушение психического состояния героев. Обратим внимание на нервное состояние Машиниста в пьесе «Ехай», когда он видит

лежащего на рельсах Мужика: *«Во падаль, еще пишит. Да я таких полудурков, знаешь, сколько надавил? Ни один не пискнул. Ну ты, давай слась!»* [1, с. 162]. Бездействие Мужика усиливает нарушение психического состояния Машиниста и провоцирует его на насильственные действия: *«Машинист энергично подходит к Мужику и дает ему пинка»* [1, с. 162]. Статичность внешних событий пьесы способствует внутренней напряженности героев пьесы. Все это не может не влиять на психологическое сознание героев. Оно подвергается изменению: формируется внутренняя неуверенность, тревожность и нервозность. Мужик, решив покончить жизнь самоубийством, лег на рельсы, не ожидая, что поезд остановится. С остановкой поезда прекращается движение прошлого времени. С этого момента для Мужика начинается новое время, новая реальность и пребывание в абсолютно новом пространстве жизни. Разворачивается внутренний конфликт. Происходит расширение внутреннего психологического пространства, следовательно, переосмысление жизненных приоритетов. Поразительно, что в начале пьесы, только столкнувшись с Мужиком, Машинист называет его бездомником. В конце пьесы этот ярлык уже Мужик вешает на Машиниста. Например, *«На черта мне твоя жизнь»*,

<...>, «Вали, бездомник», <...>, «Шляются тут всякие, бродяги...» [1, с. 168].

Интересно, что под статичностью можно понимать не только замедление развития сюжета в пьесе и изменения в пространственно-временных координатах, но и условно считать рассказ Машиниста о своем будущем как приостановление развитие проблемы и прямую связь со сценическим действием: Машинист, рассказывая свои планы на будущее, изображает картину семейной жизни, тем самым выражает драматическую ситуацию в пьесе. Он душой своей тянется к спокойствию и благополучию, чтобы каждая минуточка жизни была заполнена нежностью, удобствами. Мужик, в свою очередь, называет такое отношение к жизни серостью. Позиции героев оцениваются ими через символическую апелляцию к небу. Небо – одновременно и психологический символ, проясняющий состояние души героев, и философский, выражающий их отношение к жизни. Небо – это духовная высота, идеал человеческой совести, человечности вообще. «Глядит на небо, кладет голову на рельс» [1, с. 161]. Эта данность косвенно указывает на мнимое расширение пространственных аспектов пьесы, так как это сиюминутное действие перед остановкой поезда. Но кроме блеска неба в пьесе есть еще «блеск» деревни. «Где-то далеко, за снегом, слегка поблескивает деревушка» [1, с. 161]. Беглое указание на деревушку символично – оно намекает на возможность приобретения домашнего очага, что станет пророческим в конце пьесы. Такое замечание невольно приводит к незначительному расширению пространства.

Образ дороги в пьесе рождает мотив странничества и мотив бездомности – бесконечного поиска

себя в мире. В данном случае символически рельсы, на которых Мужик пытается умереть: «Мужик стоит на коленях, приготовился умирать» [1, с. 161]. Сама форма длинных холодных рельс указывает Мужиком на одиночество, отсутствие душевной чуткости и шире – ставит проблему человеческих ценностей и смысла жизни. В этот момент действия временной аспект героями и автором в пьесе не замечается, само чувство жизни героев вневременно. Однако все же время года Садур называет: «Зима. Поздний вечер» [1, с. 161]. Эта ремарка символическа, так как оказывает влияние на мысли, чувства и поступки героев. Зима в пьесе означает не только климатический холод, но и обмерзлость сознания и чувств героев. Происходит обледенение не только человеческих чувств, но и сокращение времени жизни, приближение к смерти не в прямом смысле слова, а к духовной смерти, потери смысла существования.

Таким образом, пьеса Нины Садур «Ехай» – еще один свежий взгляд на повседневную жизнь, способ заглянуть вглубь своих мыслей и чувств. Персонажи у Садур психологически слабы, подавлены страхом, душевными муками, обременены заботой и борьбой с враждебным миром. Сюжет пьесы непростой и работает не на внешний смысл, а на внутренний. Именно неподвижность, статичность внешнего сюжета и хронотопа указывает на сложность, неоднозначность, расплывчатость событий и героев.

Список литературы:

1. Садур Н. Чудная баба. Пьесы. – М., 1989.

ISSN 95420762

МНО «Наука без границ»

Ежемесячный научный журнал

№ 5 / 2014

Главный редактор — д.фил.н. Андреева И.В.

Ответственный секретарь — к.фил.н. Заворюхин К.П

	Азарова Э.Н. – д.ф.н.
	Бербик З.В. – д. филос.н., член РАН
	Михайлова Т.Н. – д. ф. н.
	Незамичев К.К. – д.п.н.
	Остюшкин Д.П. - д.ф.н.
	Петрусинская Н.Я. – д.п.н.
	Поганяйло С.О. – д.филос.н.
	Самроский Д.Ю. – д.и.н.,
	Чижиков П.П. – д.п.н.
	Фамильцев Р.Ф. – д.соц.н., научный сотрудник РАН
	Шелудько О.З. – к.ф.н.
	Шевцова О.В. – д.полит.н.
	Яремчев Ю.Е. – д.филос.н.

Ответственный редактор: д.фил.н. Андреева И.В.

Художник: Азарова Катерина Тихоновна

Верстка: Ручников Сергей Антонович

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции: 620142, г. Екатеринбург, Щорса ул., д. 56

Адрес электронной почты: info@mnoborders.ru

Адрес веб-сайта: <http://mnoborders.ru/>

Учредитель и издатель МНО «Наука без границ»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620142, г. Екатеринбург, Щорса ул., д. 56